

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

УБИЙСТВО ПО РАСПИСАНИЮ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Убийство по расписанию

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Убийство по расписанию / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2021 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-118292-2

В дежурную часть МУРа поступил сигнал: на железнодорожном мосту повесили человека, есть свидетели. Погибший — Евгений Шанин, доктор наук, разработчик секретного проекта в области альтернативной энергетики. Следователи Гуров и Крячко устанавливают, что практически все, кто работал с убитым по этой теме, погибли насильственной смертью. Причем все убийства происходили ровно первого числа каждого месяца. В живых остался последний помощник Шанина, программист. Сыщики предполагают, что убийца попытается убить и его. До ближайшего первого числа остается всего несколько дней... В сборник входят две повести известных мастеров детективного жанра: «Убийство по расписанию» и «Завещание для всех желающих».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118292-2

© Леонов Н. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Убийство по расписанию	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Иванович, Леонов, Алексей Викторович Макеев Убийство по расписанию

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Убийство по расписанию

Повесть

Глава 1

Когда у Мосика возникало чувство беспокойства, он отправлялся гулять. Шел куда глаза глядят, лишь бы унять разбушевавшиеся эмоции. Такое состояние Мосика его лечащий врач называл беспокойством, сам же он предпочитал обозначать эти дурные наплывы термином «предчувствие». Прогулки на свежем воздухе ему тоже посоветовал врач. Мол, это лучшее средство от депрессии. Здесь Мосик склонен был согласиться с Евгением Исааковичем. Именно таковы были имя-отчество доктора.

Ожидание чего-то ужасного, непоправимого возникало у него всегда внезапно. Подготовиться к наплыву никак не выходило. Усидеть на месте, когда на душе так тревожно, он и подавно не мог. Каждый раз Мосик надеялся, что предчувствие дурного возникло в последний раз, и постоянно ошибался. Минут двадцать он метался по комнате, от стены к стене. Но это лишь усугубляло состояние тревоги. Стены давили, потолок нависал, грозил свалиться на голову. Воспаленный мозг рисовал картины одна страшнее другой. Он не выдерживал, срывал с крючка плащ или хватал с полки свитер и бежал на улицу.

Оказавшись на открытом пространстве, Мосик не сразу получал облегчение. Наоборот, какое-то время тревога нарастала, пыталась загнать его обратно в квартиру. Но с этим он худо-бедно справляться научился. Как? Способ оказался донельзя простым.

Мосик начинал повторять фразы, которые из сеанса в сеанс произносил Евгений Исаакович:

«Где люди, там жизнь. Где свет, там безопасность. Где воздух – там свобода».

Золотые слова. Правильные, а главное – эффективные.

Мосик бежал по тротуару, освещенному сотней фонарей, мимо москвичей, спешащих по своим делам, гудящих автобусов и автомобилей. Ветер обдувал разгоряченное лицо. Постепенно он начинал ощущать ту самую свободу и безопасность, о которой говорил Евгений Исаакович.

Жил Мосик в престижном районе Фили-Давыдково, между станциями метро «Кунцевская» и «Славянский бульвар». Квартирка по столичным меркам скромненькая, но со всеми удобствами, да еще двухкомнатная. Досталась она Мосику в наследство от троюродной бабки. Он был несказанно рад этому, так как родительский дом, расположенный в пригороде Москвы, его бывшая жена благополучно продала, а вырученные средства давно промотала.

Когда-то, еще до возникновения наплывов, вторую комнату он сдавал студентам. Не ради наживы, а чтобы было с кем коротать вечера. Теперь о сдаче жилья пришлось забыть. Мало-знакомые люди его беспокоили и вызывали обострения. Узнав об этом, Евгений Исаакович посоветовал ему обзавестись живностью, но собак и кошек Мосик с детства не выносил, так что вынужден был выносить одиночество.

Сегодня предчувствие чего-то непоправимого застигло Мосика во время сна. Он проснулся весь в поту и сразу понял, что бежать ему предстоит далеко. В постели было тепло и почти безопасно, но силы воли оставаться на месте хватило минут на десять. Страх распространялся так быстро, что Мосик едва успел одеться в соответствии с погодой, прежде чем выскочил на лестничную клетку. Плащ он натягивал уже на ходу, запутался в рукавах и чуть не оторвал капюшон. В итоге на улицу Мосик выскочил как попало и помчался быстрее обычного, не обращая внимания на пронзительный ветер и морось, летящую с неба.

В себя он пришел в излюбленном месте, под автодорожным мостом, где, как правило, и заканчивались все его пробежки. Почему-то для Мосика этот мост имел особую привлекательность. Быть может, из-за названия. Дорогомиловский мост. Дорогой и милый в одном флаконе. Мосик считал, что это очень красиво. Обычно после возвращения в реальность он с час сидел на бетонных плитах напротив Пресненской набережной и тупо смотрел вверх. По мосту двигались автомобили. Они создавали особый ритм, который успокаивал его.

Мосик взглянул на часы и удивился. Почти пять утра. Когда же его угораздило выскочить из дома?

Он потрогал карманы плаща, нащупал ключи и пачку сигарет, закурил. Дым приятно щекотал ноздри. В детстве Мосик частенько наблюдал, как отец пускал кольца дыма. Такое зрелище казалось ему завораживающим. Пожалуй, курить он начал лишь потому, что жутко хотел научиться это делать, но освоить данный процесс ему так и не удалось.

Порыв ветра заставил его поплотнее запахнуть полы плаща. Здесь, на набережной, осень ощущалась сильнее. Ему резко захотелось домой, в уютную спальню, под теплое одеяло.

Мосик докурил, аккуратно затушил сигарету о бетонную плиту и поднялся, чтобы выбросить окурок в воду. Рука его пошла вверх, да так и зависла. Глаза Мосика округлились, из горла вырвался глухой стон. То, что он увидел, заставило его содрогнуться. Вот оно! Предчувствие!

Наверху, на металлической балке центрального пролета, висело тело. Мосик обладал стопроцентным зрением, поэтому видел даже веревку, которая врезалась в оголенную шею. Голова по отношению к туловищу свешивалась чуть влево. Висел человек затылком к Мосику, лица он не видел, но почему-то был уверен, что человек уже мертв. Было кое-что странное в позе висельника. Руки его вроде бы должны были болтаться вдоль туловища, а они оказались заведены за спину.

«Да на них же веревки», – догадался Мосик, перевел взгляд на ноги, но не увидел их.

Нижнюю часть туловища загораживала некая черная масса, то ли куртка, то ли толстое одеяло. В любом случае ног видно не было.

Вдруг эта черная масса начала распрямляться, увеличиваться в размерах и вскоре превратилась в очертания еще одного человека. Он стоял у самого края, нижней частью туловища прислонившись к решетчатому ограждению. Этот тип обеими руками обхватил ноги висельника и со всей силы тянул тело вниз.

Картина то расплывалась, то принимала гротескно четкие очертания. Мосик смотрел и не верил тому, что видел. Вернее сказать, его мозг отказывался воспринимать эту совершенно жуткую информацию. На мосту находились два человека. Один из них явно был мертв, а второй ему в этом помог.

– Мамачки, да это же убийство! – Эти слова прозвучали как-то сами собой.

Когда их смысл дошел до Мосика, его тут же затопила паника.

Первой его реакцией было желание бежать отсюда. Прочь от стрессов и проблем. Домой, в тепло, в безопасность. Но ноги не слушались, будто приросли к бетонной плите. Рука медленно опустилась, бычок из пальцев давно выпал. Ладонь нырнула в карман, обхватила корпус мобильного телефона, машинально, на автомате нащупала кнопку экстренного вызова.

Все-таки годы работы в пожарной службе не прошли бесследно. Мосик и думать не хотел влезать в чужие проблемы, а рука все сама за него решила.

Он нащупал кнопку, но не нажал на нее, отошел на несколько шагов в сторону, снова поднял глаза и взглянул на металлические панели железнодорожного моста. Может, обман зрения, галлюцинация? Нет, Мосик опять видел именно то же самое. У него не было ни единого сомнения в этом.

– Черт, что же делать? – проговорил он вслух, негромко, но отчетливо. – Как же мне теперь быть?

Ответа не последовало. Мосик снова сел, отвел взгляд от металлических конструкций моста, сжал и разжал пальцы, достал телефон, подумал и снова убрал его в карман.

«Надо уйти отсюда немедленно, – подумал он. – Этот поступок будет самым безопасным, значит, правильным. Да, я могу унести отсюда ноги, но что скажет на это Евгений Исаакович? Мне ведь придется рассказать ему все, упомянуть и о том, как трусливо я поступил».

– Соберись, Мосик! Ты должен это сделать. – Эти слова эхом отдались от опор моста и вернулись обратно. – Сколько раз ты в огонь бросался, не задумываясь, а тут всего лишь звонок. Это намного проще.

Как ни странно, страх и отчаяние ушли. Теперь Мосик чувствовал себя бодро, даже как-то воодушевленно. Надо набрать номер службы спасения и все рассказать. Возможно, этим он спасет чью-то жизнь. Снова.

– Где люди, там жизнь! Где свет, там безопасность! Где воздух, там свобода! – как мантру произнес Мосик, вдавил кнопку вызова и поднес аппарат к уху.

Оператор единой службы спасения сработал оперативно. Не прошло и пары минут, как Мосик услышал стандартную фразу по поводу дежурной части и требование озвучить проблему.

– Тут это, повесили его, – невнятно начал он.

Мосик ожидал долгих расспросов, переключений с одного оператора на другого, однако без всякого футбола попал сразу в дежурную часть, да еще не в какой-то участковый отдел, а на Петровку. Тут любой растеряется.

– Пожалуйста, говорите четче. Где вы находитесь и какова цель вашего звонка? – Командные нотки в голосе сотрудника уголовного розыска звучали грубовато, поэтому страх постепенно возвращался к Мосику.

– Я под мостом, а тут висельник, – промямлил он.

– Где вы находитесь? – повторил вопрос дежурный, имени которого Мосик не запомнил.

– Под мостом.

– Под каким конкретно мостом? Что у вас там вообще происходит?

– Да кранты ему, похоже. – Мосик плыл на своей волне.

– Так, гражданин, представьтесь для начала и учтите, что все звонки идут под запись, – предупредил его дежурный.

Сделал он это напрасно. Услышав про запись, Мосик тут же решил, что от дежурного исходит реальная угроза.

Он затрясся и понес полную околесицу.

– Я здесь сидел, место красивое. Да и название тоже. Я не собирался звонить, домой идти хотел, а тут бычок решил выбросить и увидел. Он висит, а тот его за ноги дергает. Проверял, наверное, крепкая ли веревка.

Дежурный уже не мог пробиться через сплошной поток фраз, на его взгляд, совершенно бессвязных, но и трубку бросить что-то ему мешало.

В этот момент в дежурку вошел полковник Гуров.

Он остановился возле стойки, прислушался и вполголоса спросил:

– Что там у тебя, Фролов?

– Да псих какой-то, – прикрыв трубку ладонью, тихонько ответил тот. – Про висельника несет, про мост с красивым названием.

– Откуда звонок?

– Из единой службы перевели, – ответил дежурный. – Хотите послушать?

Лев Иванович утвердительно кивнул, и Фролов передал ему трубку.

– Ну, в общем, я сказал, а вы как знаете, – услышал сыщик, понял, что собеседник сейчас отключится, и быстро заговорил сам:

– Доброе утро, гражданин, с вами говорит полковник Гуров. Дежурный сообщил мне, что вы стали свидетелем чрезвычайной ситуации. Это так?

– Ого, еще один! Да неужто мне всей Москве про висельника рассказывать? Пока вы слушаете, тот, второй уберется отсюда. Как пить дать убежит.

– Висельник? На мосту? И преступник там? – Так же, как минутой раньше Фролов, Гуров в недоумении поднял брови.

– Ну да. Оба здесь, – прозвучало в ответ. – Вы бы поторопились.

– Называйте адрес, – не стал раздумывать сыщик.

– Да какой адрес? Дорогомиловский мост. Там, где железка, а не машины.

– Выезжаем. Дождитесь нас, гражданин. Не вздумайте убежать, ваш номер зафиксирован, – на всякий случай пригрозил Гуров этому странному типу.

– Ладно, дождусь, – сказал тот, и сразу после этого в трубке зазвучали гудки.

– Фролов, собирай группу! – скомандовал сыщик.

– Думаете, что-то серьезное? – с сомнением произнес Фролов.

– На месте разберемся, – ответил Лев Иванович и пошел на выход.

У железнодорожного моста опергруппа была через час. Гуров сразу увидел то, что заставило сотрудников уголовного розыска приехать сюда. Ровно по центру железнодорожного моста на металлической балке висело нечто, очень уж похожее на тело человека. Под ним кто-то сидел на корточках. Группа захвата направилась напрямик на мост, а Гуров пошел разыскивать бдительного горожанина, позвонившего в полицию.

Тот никуда не делся, представился Дмитрием Антоновым, никаких документов при себе не имел. Вид его вызывал множество вопросов. Ботинки на босу ногу, пижамные брюки, теплый свитер и стильный плащ. В руках он теребил старенький мобильник с кнопочной системой набора.

Гуров кое-как заставил его говорить внятно. Тот сообщил ему, что видел, как человек, сидевший теперь на корточках, вешал на балку другого мужчину. Сыщик заявил, что должен отвезти свидетеля в отдел для дачи письменных показаний. Сперва Антонов разволновался, но тут же себя успокоил, сказал, что знает процедуру.

Оставлять свидетеля одного Гуров не решился, уж больно вид у того был неадекватный. Поэтому он передал данного типа на попечение водителя микроавтобуса, который доставил бригаду до места. Старший группы захвата связался с полковником и доложил, что подозреваемый задержан. После этого Гуров отправился осматривать место происшествия.

Как и сказал Антонов, на балке висел человек. Это был мужчина, возраст за пятьдесят, одет в классический костюм синего цвета, бежевую сорочку, при галстук. Руки и ноги связаны, рот заклеен скотчем, что сразу полностью отменяло версию самоубийства. Внешних признаков насилия Гуров не увидел, отметил только, что обувь по какой-то причине отсутствует. Врач осмотрел тело, констатировал смерть. Лев Иванович прошелся взад-вперед по узкой полосе моста, предназначенной для технических работ, сделал несколько снимков и вернулся к машине.

За это время старший опергруппы успел связаться с железнодорожным начальством. Движение поездов по данной ветке те обязались приостановить, но время ограничили. У криминалистов в запасе было около двух часов, вполне достаточно. Тем более что никаких особых улик на мосту криминалисты обнаружить и не ожидали. Им уже было ясно, что здесь была совершена лишь финальная часть преступления. Основное же действие происходило где-то в другом месте, обнаружить которое предстояло оперативным работникам.

Тело они сняли и унесли в труповозку, на подозреваемого надели наручники и препроводили в автомобиль Гурова. Спустя двадцать минут на мосту остались лишь эксперт-криминалист и двое оперативников. Полковник забрал с собой бойца из группы захвата, чтобы тот

сопровождал подозреваемого, перебазировал свидетеля из микроавтобуса в свой автомобиль и повез всю компанию в управление.

Добравшись до места, Гуров определил подозреваемого в камеру. Допрашивать его он собирался после того, как криминалисты и патологоанатом дадут свои заключения, то есть никак не раньше вечера.

А вот беседу со свидетелем лучше было не откладывать. Надо было начинать ее прямо сейчас, пока в его памяти хранилось только то, что он видел в реальности. Гуров по опыту знал, что чем дольше человек обмусоливает в памяти картину происшествия, тем больше он додумывает от себя. Разобраться в том, что было на самом деле, а что приключилось только в воображении, бывает не так просто.

В кабинете Гурова Дмитрий Антонов совсем скис. Полковник еле уговорил его присесть. Тот устроился на самом краешке стула, сложил руки на коленях и принялся скрещивать и размыкать пальцы. В принципе, ничего особенного в этом не было. Попадая в полицейское управление, практически все люди начинают нервничать. Ничего с этим не поделаешь. Так уж сложилось.

– Гражданин Антонов, не нужно волноваться, – проговорил Гуров. – Вы приглашены сюда всего лишь в качестве свидетеля. Мы с вами побеседуем, а потом вы сможете вернуться домой. Я могу называть вас Дмитрий?

– Лучше Мосик, – подал голос Антонов.

– Мосик? – машинально переспросил Гуров.

– Да. Меня все так зовут, даже доктор Евгений Исаакович, у которого я лечусь. Сначала он никак не хотел, говорил, что у человека должно быть нормальное имя, а это кличка собачья. Только я с ним не согласен. Если мне приятно, когда меня Мосиком зовут, то почему не назвать? Дмитриев в одной Москве наберется, наверное, целый миллион, а Мосик я один. Круто?

– Круто, – вынужден был согласиться Гуров. – Значит, Мосик.

– А хотите знать, откуда взялось такое имя? Интересная история, между прочим. Могу рассказать. – Мосик с надеждой взглянул на Гурова, даже пальцы теревать перестал.

– Любопытно было бы послушать, – произнес сыщик.

История Мосика оказалась не особо интригующей, но дала возможность свидетелю расслабиться и почувствовать себя в кабинете полковника если не как дома, то вполне комфортно. Прозвище Мосик Дмитрий Антонов, возраст которого, как оказалось, приближался к тридцати одному году, получил лет восемь назад. Тогда он служил в подразделении столичного пожарного надзора, высоких постов не занимал.

В один из выездов Дмитрий Антонов спас на пожаре милого песика, совсем еще кроху. В благодарность малолетняя хозяйка этой зверушки подарила ему малюсенький брелок в виде щенка. При этом она заявила, что он очень похож на пожарного. У него такой же милый носик. Это слово в силу нежного возраста девчушка исковеркала. Вот и получилось «мосик».

Ребята из пожарного расчета зацепились за это слово и принялись дразнить Дмитрия. Они то и дело называли его Мосиком.

Поначалу он злился, даже ругался с парнями. Потом плюнул, понял, что они все равно не перестанут дразнить его.

Потом Антонову пришлось уволиться из пожарки, и это прозвище вдруг понравилось ему. Почему? А кто его знает. Звучало оно мило или воспоминания приятные навевало, но с тех пор Дмитрий, кроме как Мосиком, больше никак не представлялся.

– Интересная история, – вежливо проговорил Гуров.

В рассказе Мосика его больше заинтересовала информация о существовании лечащего врача и сообщение об увольнении из пожарной части. Но задавать вопросы об этом в самом начале допроса он не стал, решил отложить их.

– Так что вы расскажете мне о происшествии на железнодорожном мосту? – осведомился сыщик.

Мосик какое-то время молчал, собираясь с мыслями, потом заговорил. В первую очередь он рассказал о том, как вообще оказался под Дорогомиловским мостом, про наплывы и предчувствия, пробежки и одинокое житье. Гуров слушал его внимательно, не перебивал, не задавал никаких вопросов.

Затем свидетель перешел к сути дела. Он сказал, что краем глаза увидел какое-то движение на железнодорожном мосту и изрядно удивился по этому поводу. Мосик пригляделся и понял, что это были люди. Они вели себя как-то странно. Один на балку залез, второй его за ноги держал, то ли вниз тянул, то ли, наоборот, подсаживал.

Зрением Антонов обижен не был, поэтому непонятки продолжались недолго. Когда до него дошло, что происходит на мосту напротив, он не на шутку испугался. Ясно же как дважды два, что тот, второй, первого просто-напросто повесил! И что с этим прикажете делать? Прямо у него на глазах произошло преступление! Вот вам и предчувствие беды!

Гуров рассказ выслушал и начал задавать конкретные вопросы. Оказалось, что момент, когда субъект, подозреваемый в убийстве, сооружал петлю и подвешивал жертву к балке, Мосик пропустил. Он видел только тот момент, когда этот человек тянул жертву за ноги. Но если не он вешал, то зачем ему вообще на мост лезть? Что ему вообще в такое время там делать? Тоже наплывы, как у Антонова? Слишком уж это надуманно. Даже Мосик в такое совпадение поверить не мог.

На вопрос, видел ли он кого-то еще у моста, тот ответить не смог. Может, там кто-то и был, но Мосик этого не зафиксировал. Не до обзора окрестностей ему было, приходилось с приступом бороться.

Вот в этот момент Гуров и задал главный вопрос. Что за наплывы такие у Антонова, и кто его лечащий врач? Мосик малость помялся, но правду сказал. Он уже два года состоял на учете в психоневрологическом диспансере. После ликвидации крупного пожара в Подмосковье, в котором погиб почти весь их расчет, у Антонова произошел нервный срыв, оправиться после которого он так и не смог.

Из пожарной части ему пришлось уволиться, оформить инвалидность и пенсию. В качестве дополнительной нагрузки он получил обязательство два раза в месяц посещать клинического психолога, того самого Евгения Исааковича.

Эта новость Гурова расстроила. Свидетель с психическими отклонениями? Незавидная перспектива. Однако показания Антонова он записал, получил от того подпись и отправил его домой на дежурном автомобиле. Пусть прокатится. Так Гуров хотя бы будет точно знать, что до дома он добрался без приключений.

Беседа с Мосиком заняла около часа. Освободился Гуров только к девяти утра. Ночное дежурство давно закончилось. Теперь он мог спокойно ехать домой и дожидаться результатов вскрытия и отчета криминалистов там. В общем и целом ночь выпала спокойная, но поспать полковнику все равно не мешало.

Только Гуров собрался идти, как на столе заработал внутренний телефон. Еще не подняв трубку, Лев Иванович понял, что его ожидает. Генерал Орлов получил доклад о происшествии на мосту и теперь ждал от полковника отчета.

Так оно и вышло. Секретарша Верочка приятным голосом сообщила ему, что генерал ждет его в кабинете прямо сейчас. Гуров чертыхнулся и поплелся к начальству.

Генерал Орлов, бодрый после ночного сна, встретил старинного друга стандартным приветствием. Лев Иванович коротко кивнул в ответ.

– Рассказывай, деятель, кого ты там сегодня из-под моста спасал? – сказал Орлов, откинулся на спинку кресла и жестом предложил Гурову занять стул напротив.

– Поступил сигнал, – начал Гуров, присев. – На Дорогомиловском железнодорожном мосту произошло убийство. Бригада выехала по сигналу.

– Нашли?..

– Кого?

– Жертву.

– Так точно. Мужчина, возраст от пятидесяти до шестидесяти лет, среднего роста и телосложения. Одет в костюм, даже при галстук. Никаких документов при нем не обнаружено.

– Ты мне шаблонную информацию не выдавай, – заявил Орлов, насупился и спросил: – Что в целом про ситуацию думаешь?

– Да что тут думать? Убили мужика, привезли на мост и подвесили.

– Зачем на мост везли?

– А кто ж их знает? Будем разбираться. – Гуров вздохнул и добавил: – Тут вообще пока полная несуславица.

– Поясни, – потребовал Орлов.

– О происшествии сообщил свидетель Дмитрий Антонов. Как выяснилось, он страдает психическим расстройством. Так что показания его в суде точно не пройдут. Да и как нам от них отталкиваться? Возле трупа обнаружен некий тип, пребывающий в невменяемом состоянии. Говорить отказывался, но сопротивления не оказывал.

– В каком смысле невменяемый? Пьяный или под дуры? – осведомился Орлов.

– Ни то ни другое, полагаю. В прострации.

– Экспертизу проводили?

– Все необходимые действия я поручил произвести капитану Мошкину.

– Вот как! Поручил, значит. А сам что?

– Я после ночного дежурства, – напомнил начальнику Гуров. – А Мошкин только заступил. Я поспать хотел съездить. Все равно докладов экспертов и патологоанатома полдня минимум ждать.

– Вот в этом ты ошибаешься, – заявил Орлов. – Я распорядился процесс ускорить, так что часа через два-три все отчеты они тебе на стол положат. Не благодари меня за это. – Генерал широко улыбнулся.

Гуров скривился и проговорил:

– Петр, я сутки не спал. Подождет малость этот висельник.

– Никаких подождет. Сам говоришь, что жертва в костюме и при галстук. А что, если это какой-то депутат или еще какая-то важная персона? Ты домой, а звонки сверху ко мне в кабинет? Нет, дружок, ты для начала выясни имя жертвы, а потом и почивать изволь.

– Да какой депутат? Ну, любит человек в костюме ходить, что здесь плохого? – продолжал отнекиваться сыщик.

– Гуров, забудь про сон. Выясни личность жертвы! Это приказ, – отчеканил Орлов и потянулся к папкам с бумагами, давая понять, что разговор окончен.

Гуров встал, развернулся и молча вышел из кабинета. Не сказать что он был зол или удивлен. Лев Иванович просто понятия не имел о том, как в кратчайшие сроки выяснить имя покойника, а заниматься поисками на несвежую голову не хотел. Он по собственному опыту знал, что продуктивности от такой работы не жди. Но у него был приказ. Их не обсуждают даже в том случае, если они отданы твоим лучшим другом.

Гуров вернулся в свой кабинет, позвонил криминалистам, попросил предоставить ему опись личных вещей, найденных при убитом человеке. Таковых оказалось немного. Ключей, мобильного телефона и банковских карт при нем не было, хотя гардероб его эксперты оценили шестизначным числом. Это означало, что отоваривался он вовсе не на блошином рынке, следовательно, деньги на покупку мобильного у него точно водились.

Кроме перечня одежды в описи значились лишь квитанция с заправочной станции на покупку двадцати литров бензина и значок фабричного производства с логотипом некоего фестиваля науки, причем всероссийского. Какой именно отрасли, указано не было. Исходя из таких вот данных, Гуров заключил, что человек, повешенный на Дорогомиловском мосту, имел автомобиль и, скорее всего, занимался научной деятельностью. Это уже было кое-что.

Полковник снова связался с криминалистами и попросил доставить в кабинет обе улики для детального изучения. Спустя десять минут эти предметы лежали перед ним на столе.

Чек на бензин Гуров пока отложил в сторону. Он решил, что выяснять, где именно находится автозаправка, не располагается ли она на пути регулярного следования жертвы из пункта А в пункт Б, следовало в том случае, если вариант со значком никуда не приведет.

Для ускорения идентификации он вызвал в кабинет капитана Жаворонкова. Валера покрутил в руках значок, щелкнул фотоаппаратом и помчался к себе в лабораторию. Гуров последовал за ним.

– Сейчас данные загрузим в программу, – на ходу объяснял ему Жаворонков. – Найдем совпадения, а дальше все просто. Узнаем, кто и когда выдавал такие значки, свяжемся с организаторами, они нам все и расскажут.

Вышло так, как обещал Жаворонков. Не прошло и пяти минут, как компьютер выдал несколько десятков совпадений. Всероссийский фестиваль науки проводился не первый год и проходил на базе НИИ ядерной физики, работавшего при МГУ. Значки выдавались только участникам этого мероприятия. На их тыльной стороне указывался год, в котором оно проходило.

На значке, оказавшемся в руках Гурова, был обозначен текущий год. Лев Иванович позвонил организатору фестиваля, и тот сообщил ему, что списки участников находятся у координатора, найти которого можно в самом институте.

Сыщик решил, что в этом случае телефонный звонок принесет ему мало пользы, собрался и поехал к физикам-ядерщикам. Перед этим он поручил Жаворонкову отыскать и отметить на карте автозаправку, которой пользовался человек, повешенный на мосту.

При входе в институт Гурова задержал строгий контролер и мурыжил его минут десять, никак не меньше. Он изучил удостоверение, выяснил цель визита, связался с начальником охраны, после чего велел визитеру ждать.

Вскоре к ним пришел начальник охраны, представительный мужик лет сорока пяти, с короткой стрижкой ежиком и с выражением лица аксакала, повидавшего все на свете. Он, в свою очередь, изучил удостоверение полковника, так же попытал его о цели визита, только по окончании допроса набрал внутренний номер и велел прислать провожатого для посетителя.

Через пару минут на вахте появился щуплый парнишка лет двадцати пяти, без очков, но с близоруким прищуром. Он не стал требовать от Гурова никаких удостоверений, выяснять, чего ради тот появился здесь, протянул руку, которую Лев Иванович с удовольствием пожал, и повел долгими переходами в одному ему известном направлении.

В институте ядерной физики жизнь была ключом. По коридорам сновали озабоченные сотрудники. Они то и дело натыкались друг на друга, а иной раз и на стены. Каждый из них стремился преодолеть расстояние от одной точки до другой кратчайшим путем, поэтому и происходила толкотня. Если бы не провожатый, то полковник вряд ли разобрался бы в хитросплетении тутошних коридоров, переходов и аудиторий. Но парнишка шел уверенно, ни разу за время пути не остановился.

В итоге он привел Гурова в комнатенку, совсем малюсенькую, размером три на четыре метра. Там каким-то непостижимым образом умещались три стола, заполненные компьютерной техникой и другими непонятными устройствами, навесные стеллажи и двое сотрудников. Третьим, как оказалось, был провожатый.

– Добро пожаловать в координационный центр всероссийского фестиваля, – провозгласил он и протолкнул визитера в комнату.

– Это он самый и есть? – с нескрываемым сомнением спросил Гуров.

– А вы чего ожидали? Что нам отдадут лучшую аудиторию, выделят новейшее оборудование и мебель для приема посетителей? – В голосе провожатого звучал откровенный сарказм. Сыщик понял, что насмехается он над собой, а не над удивлением гостя.

– Ничего, Славик, это временное пристанище, – подал голос мужчина, стол которого стоял возле окна. – Скоро нас действительно переведут в другое помещение. Оно будет попросторнее.

– Когда, Веня? Еще через пятнадцать лет? – Голос Славика, провожатого Гурова, взлетел к потолку. – Себе-то хоть не ври!

– Славик, у нас гость, – вступил в беседу третий владелец этих шикарных апартаментов.

– Да-да, прости. – Славик тут же утихомирился.

– Вот и славно. – Мужчина, напомнивший хозяевам про Гурова, потер руки, взглянул на него и продолжил: – Итак, чем мы можем быть вам полезны? Меня, кстати, Иван Алексеевич зовут. Это мой коллега Вячеслав, но называть его лучше Славик, а то не откликнется. А у окна сидит Вениамин. Как нам к вам обращаться?

– Полковник Гуров, Лев Иванович, – представился посетитель. – Московский уголовный розыск.

– Да ладно! – Это известие почему-то развеселило Вениамина. – Вы из самой настоящей уголовки?

– Так точно, – подтвердил Гуров.

– А к нам по чью душу? Неужели все-таки узнали, как Семенихина старика своего угробила? – продолжал Вениамин.

– Веня, прекрати, – осадил его Иван Алексеевич. – Видишь, человек при исполнении. Ему твои инсинуации по поводу убиенной мыши совершенно не интересны.

– Ты не прав. Старик был отважной мышью. Сколько опытов он пережил? Двести? Триста? Да за одно это его уже можно было оставить в покое, дать дожить век в счастливой старости и умереть своей смертью.

– Семенихина ведь не знала, что эксперимент закончится неудачей, – сказал Славик.

– И что? Выходит, она теперь не убийца? Да если бы правоохранительные органы так считали, то у нас в тюрьмах вообще преступников не было бы. Крутая отмазка для убийцы. Дескать, я же не знал, что он умрет. Бывает в уголовной практике такое, товарищ полковник? Отпускают убийце грехи, если он заявит, будто не предполагал, что жертва умрет?

– Заявить может, – ответил Гуров. – А вот амнистию получить, это вряд ли. Есть такое понятие «непредумышленное убийство». Похоже, у вашей Семенихиной именно такой случай.

– Побалагурили и будет, – снова вмешался в разговор Иван Алексеевич. – Теперь дадим слово товарищу полковнику. Пусть расскажет, что привело его в наш НИИ.

Лев Иванович прошел вперед, к столу и выложил на него значок.

Глава 2

Если бы Татьяне Шаниной дали выбор, то она ни за что не впустила бы в дом не только этого полковника полиции, но и вообще никого. Нет, только не в это утро. Оно выдалось совершенно замечательное. Отчего? Все очень просто и даже банально. Женщина наконец-то выпалась.

Многие годы ее мучила, буквально выматывала бессонница. Если за ночь Татьяне удавалось забыться хотя бы на пару часов, пусть даже не подряд, а урывками, то ее можно было считать удачной. А ведь бывали ночи, когда она и тридцати минут не отдыхала, лежала без сна, закрыв глаза, и ждала, когда наступит утро.

После бессонной ночи женщина вставала и принималась за домашние дела. Заниматься чем-то еще в таком состоянии Татьяна, разумеется, не могла, так что о научной карьере, о которой она мечтала с детства, пришлось забыть. Двадцать лет она являлась домохозяйкой, но и эта работа ей порой давалась с трудом.

К каким только врачам не таскал ее супруг, какими таблетками не пичкал, на какие сеансы не записывал! Все без толку. Великие умы от медицины не смогли определить причины бессонницы. Будто ее и не было вовсе.

Татьяна поначалу тоже пыталась найти чудодейственное средство от этого жуткого недуга, но спустя пять лет смирилась. Она научилась реагировать на отсутствие сна, как на досадное, но вполне переносимое неудобство. Ей стало чуть полегче.

А вот муж ее так с этим и не смирился. Еще бы! Он, великий и могучий Евгений Шанин, которому подчинялись десятки людей, для которого не было ничего невозможного, не мог вернуть супругу в строй. Как так? Почему? Быть такого не может. Он перестанет быть собой, если не справится с проблемой.

Какое-то время назад Евгений притаскивал домой очередного знахаря от науки, который долго и нудно объяснял Татьяне принципы возникновения сна. Она терпеливо слушала его, кивала в знак согласия со всеми выкладками этого мудреца, но когда он предложил ей пройти сеанс гипноза, наотрез отказалась.

– Книжки свои оставляйте, – сказала ему женщина. – А вот в мозг свой лезть я вам не позволю.

На этом они и разошлись.

Евгений тогда так шумел, так сердился, что Татьяне пришлось уйти из дома, чтобы не выслушивать нападок мужа. Она часа три гуляла по городу, а когда вернулась, муж сидел в кабинете, и ему уже было явно не до ее проблем. Татьяна посчитала это хорошим знаком. Больше тему гипноза супруги не поднимали.

Брошюру этого ученого Татьяна все же изучила и даже начала применять некоторые приемы на практике. Почти месяц билась, уже отчаялась, а теория взяла и сработала. Татьяна крепко спала с десяти часов вечера почти до девяти утра. Это же невероятно! Просто фантастический успех.

Ей так хотелось рассказать обо всем мужу, увидеть его реакцию, когда он услышит об одиннадцати часах непрерывного сна! Но Евгения дома не оказалось, и это не было из ряда вон выходящим событием. Он изо дня в день уходил рано, возвращался поздно, а выходной брал лишь в воскресенье, да и то лишь для того, чтобы без помех покопаться в бумагах в своем кабинете.

«Не беда, он наверняка знает, какое чудо произошло со мной, – решила Татьяна. – Ведь Евгений не мог не заметить, что я сплю без задних ног, когда вернулся домой, да и утром, перед уходом. Скорее всего, муж в курсе. И все же мне приятно было бы увидеть его реакцию».

Татьяна мечтала, чтобы он вдруг вернулся или хотя бы позвонил. Но такие случаи можно было пересчитать по пальцам. Внеплановые визиты домой Шанин не практиковал. Перезваниваться с супругой тоже не входило в перечень его привычек. Но она все равно хотела этого.

Вот почему, когда в дверь позвонили, Татьяна бросилась открывать, даже не задумавшись, кто бы мог прийти к ним в дом в такое время. Она была уверена, что вернулся муж. Но это был не он, а какой-то мужчина с удостоверением сотрудника уголовного розыска. По сердцу Татьяны сразу как ножом полоснули. Вся ее радость ушла. Испарилась. Улетучилась.

Полковник Гуров стоял перед уже не молодой, растерянной женщиной и чувствовал себя далеко не самым лучшим образом. Если женщина только догадывалась об этом, то он-то точно знал, что принес в этот дом скорбную весть. А какой радостью сияли ее глаза всего минуту назад! И какая боль поселится в них спустя минуту. Но долг есть долг, никуда от этого не денешься. В работе оперативника бывают такие моменты, от которых не уйти.

В институте ядерной физики все прошло на удивление быстро и обыденно. С ребятами из координационного центра Гуров пообщался минут пятнадцать. Они почти со стопроцентной уверенностью назвали ему имя жертвы с Дорогомиловского моста. Несколько вопросов относительно списка участников фестиваля, тот самый значок и поверхностное описание жертвы – вот все, что потребовалось от полковника.

Хотя был еще дополнительный звонок криминалистам. Славик, который сопровождал полковника от проходной, сообщил ему, что на всех рубашках профессора Шанина имеется одна примечательная деталь. На воротничках с тыльной стороны пришиты по четыре пуговицы. По две с правой и с левой стороны. Этой работой занималась супруга Шанина.

Дело в том, что профессор имел привычку есть за рабочим столом, причем делал это не очень-то аккуратно. Кусочки еды сплошь и рядом валялись на его грудь. Отстирывать подобные пятна еще полбеда, с этим Татьяна давно смирилась, а вот с тем, что он отправляется в таком виде на деловые встречи, согласиться никак не желала. Вот она и придумала, как обезопасить одежду мужа, пришила к воротничкам его рубашек пуговицы, настрочила тканевых накладок. Пристегиваешь такую штуку к пуговицам и весь день можешь есть все, что тебе заблагорассудится. А появилась необходимость выйти в люди, снял нагрудник и чистеньким пошел.

Четыре пуговицы появились тоже не сразу, а только после того, как профессор пару раз вернулся домой в заляпанных рубашках и заявил, что накладка, мол, отвалилась. Однако эта отмазка не сработала, жена просто стала пришивать с каждой стороны по две пуговицы. Одна основная, вторая дополнительная. На это профессору возразить было нечего. Пришлось ему с условиями супруги согласиться.

Есть ли на воротнике рубашки жертвы пуговицы, Гуров выяснил за минуту. Оказалось, есть. Как раз по две с каждой стороны.

Дальше дело пошло быстрее. Доктор наук Евгений Иванович Шанин через три месяца собирался отпраздновать свое пятидесятипятилетие, через год – двадцатилетний юбилей работы в НИИ ядерной физики.

Он заведовал отделом, в ведении которого находились несколько лабораторий, имел жену и взрослого сына, в настоящее время проживающего на постоянной основе в Англии. Шанин водил автомобиль марки «Ниссан», проживал на Кутузовском проспекте в квартире, предоставленной ему университетом. Дурных привычек не придерживался, недостойным поведением не отличался, с криминальным элементом не общался. Среднестатистический профессор, вполне обычная персона для Москвы.

Точный адрес места проживания Шанина знал Иван Алексеевич, номерной знак «Ниссана» помнил Вениамин, время последней встречи осталось за Славиком. Все трое были так хорошо осведомлены о жизни Шанина по той простой причине, что работали под его руководством. Десять месяцев в году они трудились в одной из лабораторий, подведомственных

профессору, а два оставшихся – в координационном совете, так как именно Шанин и был его идейным вдохновителем.

Гуров узнал, что накануне смерти профессор ушел из института около пяти часов вечера. Это было необычно. Как правило, Шанин не покидал рабочее место раньше восьми часов вечера. Славик столкнулся с ним на крыльце, когда бегал в магазин за провизией на всю команду. Увидев профессора, он приготовился выслушать долгую лекцию о недостойном поведении, так как отлучаться с рабочего места в лабораториях Шанина категорически запрещалось. Но тот ни слова не сказал, коротко кивнул Славику, сбежал со ступеней, сел в машину и уехал.

Вернувшись на рабочее место, Славик рассказал коллегам о встрече с Шаниным и о его реакции, вернее, о полном ее отсутствии. Пару минут они обсуждали странное поведение начальника, а потом занялись своими делами. Никто из них и предположить не мог, что эта история закончится так печально.

Все трое дружно заявили Гурову, что в последнее время Шанин стал беспокойным и рассеянным. В народе бытует мнение, что профессора все до единого таковы, но на самом деле это вовсе не так. По мнению троицы из координационного совета, профессора – жутко организованные и педантичные люди. Особенно Шанин. Таким он был всегда. Если не считать последних недель.

С этой вот информацией Гуров и поехал в дом на Кутузовском проспекте, где ему предстояла беседа с Татьяной Шаниной. Полной уверенности в том, что жертва действительно является профессором Шаниным, у Гурова не было. Пуговицы – это, конечно, аргумент, но опознание проводить все равно придется. Как подготовить супругу к подобному испытанию? Да никак. Вот с какими мыслями полковник предстал перед Татьяной.

– Уголовный розыск? Мне стоит беспокоиться? – взяв себя в руки, проговорила Татьяна.

– Полной уверенности в этом у нас нет, – стандартной фразой ответил Гуров. – Нам требуется провести ряд мероприятий.

– Мероприятий?

– Вы позволите мне пройти? – спросил Лев Иванович, мягко отстранил женщину и шагнул в квартиру.

– Входите, – запоздало пригласила его Татьяна. – Лучше пройти в гостиную. На кухне я принимаю только близких людей.

Гуров прошел, куда ему было велено.

Профессорская гостиная выглядела шикарно. Дубовая резная мебель, картины на стенах, высокие потолки и медная литая люстра. В эркере ваза с инкрустацией, на полках золоченые корешки толстых томов, подобранных по цветам, на окнах дорогие старинные портьеры. И никаких современных устройств.

– Красивая комната, – похвалил Гуров.

– Досталась по наследству, – сказала Татьяна. – Мы с мужем вселились сюда взамен прежнего профессора. В спальне сделали ремонт, поменяли мебель. В кухне, разумеется, тоже произвели реконструкцию, а эту комнату оставили без изменений.

Сыщику казалось, что Татьяна желала оттянуть неприятный момент, когда он озвучит страшную новость и возврата к прошлому уже не будет. Гуров тоже не торопился. Он не спеша прохаживался по комнате, рассматривал предметы мебели как музейные экспонаты.

– Знаете, я долгое время вот так же себя в этой квартире ощущала, – проговорила Татьяна.

– Как? – спросил Гуров.

– Как посетитель в музее, – пояснила женщина. – Ходишь по комнатам, предметы рассматриваешь, а дотронуться боишься. Так и кажется, что сейчас появится сердитый смотритель и объявит: «Руками не трогать!»

– Они действительно настолько ценные? – Гуров повел рукой в сторону картин.
– Копии, оригиналов здесь нет, – ответила Татьяна. – Но ощущение от этого не меняется, правда?

– Правда, – согласился Гуров.

– Думаю, нам пора присесть и перейти к главному, – произнесла Татьяна и сама испугалась своих слов.

Руки ее слегка задрожали, глаза увлажнились. Она нервно вздохнула, но от слов своих не отказалась.

Гуров опустился на диван, жестом предложил Татьяне сделать то же самое, дождался, пока она сядет, и задал вопрос:

– Скажите, Татьяна, вы знаете, где сейчас находится ваш супруг?

– Женья? Я полагала, что в институте. Но раз вы приехали ко мне с подобным вопросом, значит, там его нет. – Татьяна вопросительно посмотрела на полковника.

– Вы правы. В институте его нет, – ответил Гуров. – Вопрос в другом. Если Евгений Иванович не дома и не в институте, то где он может находиться?

– В это время? На совещании, на конференции, на деловой встрече, – начала перечислять Татьяна. – Но все это только в том случае, если утром он в институте был. Это обязательный ритуал. С утра проверить лаборатории, а затем ехать на деловые встречи.

– Утром в институт он не приезжал, – сказал Гуров и осведомился: – Вы провожаете мужа на работу?

– Обычно да, но сегодня случай исключительный. Я даже не знаю, в котором часу он ушел, – ответила Татьяна.

– А в котором пришел?

– И этого не знаю. – Слезы все же прорвались, потекли по щекам, закапали на блузку. – Скажите, полковник, с Женей случилась беда?

– Возможно и такое, – уклонился от прямого ответа Гуров.

– Какая беда? Он мертв, ведь так? Иначе ко мне не приехал бы человек из уголовного розыска. – Татьяна говорила медленно, стараясь сдержать рыдания. – Или вы думаете, что он мертв. Но ведь вы можете и ошибаться.

– Да, можем, – сказал Гуров, решил, что тянуть нет смысла, и продолжил: – Сегодня в пять утра на Дорогомиловском железнодорожном мосту было обнаружено тело. Приметы совпадают с вашим супругом.

– На мосту? Боже, что его понесло туда? Нет, вероятно, вы ошибаетесь. Нечего ему там делать.

– Когда вы в последний раз видели супруга? – задал вопрос Гуров.

– Вчера утром. Он собирался в институт, я готовила ему завтрак. Ушел в шесть тридцать. Он всегда рано уходит.

– А в котором часу он вернулся?

– Я не знаю, – растерянно произнесла Татьяна. – Я проспала.

– Что это значит? – не понял Гуров.

Татьяна больше не пыталась сдержать слезы. Они лились сами по себе, а она излагала историю своей бессонницы и чудесного исцеления. Женщина закончила рассказ своими утренними мечтами о том, как обрадуется муж, узнав, что Татьяна впервые за много лет выспалась как следует, вполне полноценно.

– Выходит, до десяти часов вечера Евгений домой не возвращался? – выслушав историю, задал вопрос Гуров.

– Нет. Я легла ровно в десять, а он еще не вернулся. Уснула быстро, почти моментально, а проснулась в девять утра. Я подумала, что Женя уже ушел. Не стал меня будить, зная, какие сложные у меня отношения со сном.

– По каким-то признакам вы можете догадаться, был ли супруг дома, пока вы спали, или нет?

– Сейчас уже вряд ли, – Татьяна отрицательно покачала головой. – Возможно, сразу после пробуждения и могла, но теперь нет, не скажу.

– Давайте все же попытаемся это выяснить, – предложил ей Гуров.

– Как?

– Вы будете вспоминать, ходить по комнатам, выполнять все те действия, какие обычно совершаете по утрам. Быть может, у вас в голове что-то и всплывет.

Татьяна встала, прошла к спальне, открыла дверь, замерла на пороге. Пару минут она стояла там и просто смотрела, затем перешла к изголовью кровати. Поправила подушку слева, обогнула кровать, чуть подвинула вторую подушку, откинула одеяло. После осмотра постели женщина перешла в ванную, пощупала зубную щетку мужа, потрогала полотенце, зашла в туалет, зачем-то покрутила рулон туалетной бумаги.

Из ванной она перешла на кухню, осмотрела раковину, шкафчик с посудой, открыла и закрыла холодильник, после чего села на стул и заявила:

– Дома Жени не было.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно. Он мог не почистить зубы, не принять душ, не сменить носки, натянуть те, которые нашел под кроватью. Но уйти из дома без порции черного кофе? Это крайне маловероятно.

– Вы по отсутствию грязной чашки поняли, что кофе ваш супруг не пил? – осведомился Гуров.

– Нет, чашку он мог и сполоснуть, – ответила Татьяна. – А вот запаковать пачку кофе фабричным способом – на это никто не способен. Загляните в шкаф. Видите пачку темно-вишневого цвета? Она закрыта, а вчера утром я высыпала в кофеварку последнюю порцию из контейнера. Следовательно, чтобы сварить себе утром кофе, Женья должен был открыть новую пачку. Он этого не сделал.

После этого Татьяна сообщила сыщику, что последний раз разговаривала с мужем прошлым утром. По телефону они не созванивались, пропущенных звонков от супруга в мобильнике Татьяны не было.

Узнав, что муж ушел с работы в пять вечера, Татьяна удивилась не меньше подчиненных Шанина. По той же самой причине. За двадцать лет он поступал так всего дважды. Первый раз, когда сын раскроил себе череп на футбольном поле. Второй, когда Татьяну в едва ли не коматозном состоянии забрали в реанимацию.

Предположить, чем мог заниматься муж с пяти вечера до пяти утра, Татьяна не могла. Вопрос Гурова о врагах застал ее врасплох. Откуда им взяться у профессора? Это же не бизнесмен. Если таковые у него и есть, то мстить они будут не физически. Ученые так не поступают, не их стиль. В плане финансов семья Шаниных не бедствовала, но и миллионами, на которые могли позариться преступники, не владела.

Друзьями Евгений Иванович за всю жизнь так и не обзавелся. Один человек был для него слишком глуп, другой – чересчур жаден, третий ударился в снобизм. Сблизиться с семьей хотя бы одного из коллег Шанин не смог.

От идеи дружить семьями, которой бредила Татьяна, ей пришлось отказаться. У нее имела парочка подруг, дружба с которыми корнями уходила в детство, еще тройка приятельниц, с которыми приятно было пройтись по магазинам. На этом круг ее общения заканчивался.

Однако изменения в поведении супруга Татьяна заметила. Евгений на откровенность не шел, хоть она и спрашивала, в чем заключается причина его беспокойства. Он отмахивался, говорил, что ведет сложный проект, который грозит развалиться. Татьяна не до конца пове-

рила словам супруга, но настаивать не стала. Почему? Потому что боялась услышать то, чего страшатся все жены профессоров.

С мужем она прожила достаточно долго, чтобы понять, что дело тут не в работе. Когда с проектом и в самом деле происходили накладки, Евгений всегда делился с ней переживаниями. Он в трусах ходил по кухне, размахивал руками и разносил в пух и прах всех своих помощников, настоящих остолопов, не имеющих представления о том, с какой стороны подойти к задаче. Здесь же царило полное молчание.

Что могла подумать Татьяна? Только то, что у мужа появилась пассия. Молодая амбициозная студентка или помощница, желающая пролезть в научную элиту самым простым, давно проверенным способом.

А почему нет? Евгений мужчина видный, имеет вес в научных кругах и возможность оказать протекцию, к тому же с больной женой на руках. Легкая добыча? Конечно, вполне доступная.

Справедливости ради нужно отметить, что в подобных грехах Евгений никогда замечен не был. Но ведь не зря в народе говорят про седину в бороду и прочие прелести кризиса среднего возраста. Все когда-то случается впервые.

Поэтому-то Татьяна и не стала особо упорствовать, добиваться от мужа правды. Узнать ее не так уж и сложно, только что потом с ней прикажете делать?

Постепенно разговор сошел на нет. Минут пять собеседники молчали. Потом Гуров объяснил Татьяне, что дальше следует предпринять, чтобы убедиться в том, действительно ли человек с моста является Евгением Шаниным.

Пройти процедуру опознания Татьяна согласилась без колебания.

– Чем томиться неизвестностью, лучше сделать это сразу, – заявила она.

Гуров позвонил в морг, выяснил, на каком этапе находится процедура вскрытия, узнал, что работа завершена, сообщил о намерении супруги предполагаемой жертвы произвести опознание. Патологоанатом дал добро, Татьяна собралась, и Лев Иванович повез ее в морг.

Процедура опознания производилась в специальном помещении.

Сотрудник морга подвел Татьяну к столу, на котором лежало тело, прикрытое простыней.

– Скажете, когда будете готовы, – произнес он стандартную фразу.

– Простите, готова к чему? – Татьяна заметно растерялась.

– К опознанию, – пояснил ей сотрудник этого заведения.

– Разве тот факт, что я здесь, не говорит об этом? – Рука Татьяны, лежащая на локте Гурова, напряглась. – Неужели этого недостаточно?

– Он имеет в виду, что покажет вам лицо только после того, как вы будете готовы увидеть его. Такова процедура, – мягко проговорил полковник.

– Я даже не знаю, что ответить на это, – на глаза Татьяны снова набежали слезы. – Так ведь можно и весь день простоять.

– Давайте поступим следующим образом. Вы сейчас вслух досчитаете до пяти. После этого санитар выполнит свою часть работы, а вы – свою, – внес предложение Гуров.

– Хорошо, я согласна, – сказала Татьяна.

Санитар метнул сердитый взгляд на полковника, но возражать не решился. В конце концов, чем быстрее все закончится, тем лучше для него. Гуров на недовольство санитаря внимания не обращал. Он внимательно следил за Татьяной.

Та крепко сжимала его локоть и старательно считала:

– Один, два, три, четыре... – Она зависла, просто не могла произнести последнюю цифру.

Татьяна подняла глаза на Гурова, полные слез и мольбы.

Сыщик повернулся к сотруднику морга и негромко произнес:

– Начинайте.

Санитар откинул простыню ровно настолько, чтобы лицо покойника оказалось в поле зрения посетителей.

Татьяна зажмурилась. Слезы пробивались сквозь сжатые веки, повисали на ресницах и скатывались по щекам.

– Я просто не могу этого сделать, понимаете? – простонала женщина.

– Это несложно, – мягко произнес Гуров. – Просто откройте глаза и смотрите не на стол, а на меня. – Он развернул ее лицом себе, провел рукой по волосам.

Она вздрогнула и открыла глаза.

– Видите, ничего страшного в этом нет. Все, что было нужно, это открыть глаза. Можете смотреть на меня, вам не обязательно поворачиваться, – увещевал ее Гуров. – Мы в любой момент можем отсюда уйти. Насильно вас никто не станет заставлять делать это.

Но он знал, что Татьяна не уйдет. Только не теперь. Взгляд ее поневоле устремится туда, где лежит тело. Такова уж психология человека. На это и был расчет.

Не прошло и полминуты, как Татьяна оказалась лицом к столу. Она смотрела на тело, лежащее перед ней, и молчала.

– Вы узнаете этого человека? – задал вопрос сотрудник морга.

– Да, это мой муж, Евгений Иванович Шанин, – ровно произнесла Татьяна.

– Вы уверены? – В голосе санитара послышалось недоумение.

От этой женщины он ожидал какой угодно реакции, но только не такого вот спокойствия.

– Да, уверена, – ответила Татьяна, повернулась к Гурову и спросила: – Когда я смогу его забрать?

– Вам сообщат об этом дополнительно, – ответил полковник.

Санитар вернул простыню на место.

Татьяна подхватила Льва Ивановича под руку и повлекла к выходу. Она не совершила попытки дотронуться до тела мужа, не гладила его по волосам, не попросила возможности побыть с ним наедине и как-то попрощаться, просто пошла к выходу. Гурову ничего не оставалось, как подчиниться ее воле.

Уже оказавшись на улице, Татьяна отпустила руку полковника и вдруг произнесла:

– Хорошо, что не любовница.

– В каком смысле? – не понял Гуров.

– Хуже было бы, если бы я узнала, что после стольких лет он завел молодую любовницу, – спокойно пояснила Татьяна и поспешила добавить: – Нет, вы не подумайте, оно придет. Скорбь, отчаяние, сожаление. Да и тоска, глубокая, неизбывная. Скорее всего, появится и стыд за то, что я могла про него такое подумать. Но сейчас я чувствую только облегчение. Хорошо, что не любовница.

Гуров не нашел, что ответить на откровения Татьяны.

Она подняла на него взгляд, смутилась и спросила:

– Это ужасно, да? То, что я говорю?

– Не мне судить об этом, – ответил Гуров и тут же представил себе, что ощущал бы он, если бы узнал, что его жена Мария нашла себе другого. – Думаю, вы правы. Остальное придет.

– Отвезите меня домой, – попросила Татьяна. – Я ужасно хочу спать.

Гуров довез Татьяну Шанину до дома, поднялся с ней до квартиры. Сперва он убедился в том, что она закрыла дверь изнутри, и только потом поехал обратно в управление.

Глава 3

К тому времени как Лев Иванович вернулся в кабинет, отчеты криминалистов и патологоанатома лежали на его рабочем столе, как и обещал генерал. Верный друг и напарник Гурова полковник Стас Крячко восседал на подоконнике и лениво жевал бутерброд.

– Есть хочешь? – вместо приветствия спросил он.

– Как слон, – ответил Гуров и потянулся за бутербродом, любезно предложенным ему. – Куски не слабые. Сам стряпал?

– Да уж не в столовке по акции купил, – проговорил Крячко, ухмыльнулся, весьма довольный похвалой, и осведомился: – Как дела на служебном фронте?

– Дельце из службы спасения подкинули, – устраиваясь в кресле, сообщил Гуров другу.

– Наслышан. Висельники теперь твоя прерогатива?

– Жертва насильственной смерти моя прерогатива, – поправил приятеля Лев Иванович. – Странная история. И свидетель есть, и подозреваемый в наличии, и жертву без документов за три часа опознали. Только что-то мне подсказывает, что намучаемся мы с этим висельником.

– Мы? Разве дело передано в наш отдел? Я так понял, что за успех расследования отвечаешь лично ты.

– Вечно ты, Крячко, отделиться норовишь, – поддел Стаса Гуров. – Смотри, скоро одного меня в отделе оставят. А тебя спишут за ненужностью.

– А вот и не спишут, – отмахнулся Крячко, хищно поглядывая на очередной бутерброд. – Генерал меня в обиду не даст. К тому же куда ты без меня? С вдовой и то не справишься.

– Уже, – заявил Гуров.

– Что это значит? Ты ездил к вдове? Без меня? – возмутился Крячко. – Да как ты мог! А еще друг называется. Я самое интересное из-за тебя пропустил.

– На самом деле все весьма печально. Представляешь, она его ждет, хочет лучшей новостью за последние двадцать лет поделиться, а он в петле висит.

Гуров вкратце другу рассказал историю с бессонницей Татьяны Шаниной, упомянул и о том, как прошла процедура опознания.

– Да, история, – протянул Крячко. – Может, и к лучшему, что меня там не было.

– Давай бумаги разбирать, – предложил ему Гуров. – Так мы с тобой быстрее план дальнейших действий разработаем.

– И убийцу на электрический стул отправим, – пошутил Крячко.

Гуров фыркнул и приступил к изучению отчета криминалистов и патологоанатома. Особой информации он из этих документов не получил. Как сыщик и предполагал, смерть наступила в результате удушения, но на балку Шанина кто-то подвесил, когда он уже был мертв. Место фактического убийства еще предстояло определить, а пока следовало довольствоваться тем, что есть.

Человек висел на автомобильном тросе нового образца. Это была цветная тканевая лента, в основе которой лежали резиновые жгуты. К балке трос был пристегнут карабином. Под весом покойника тот пошел вверх, веревка удлинилась, и тело провисло почти до самого основания моста.

Следов насилия патологоанатом не обнаружил, кроме следа от той веревки, которая фактически удушила жертву. В отчете он написал, что жертва, скорее всего, не оказывала никакого сопротивления.

Это было странно. Пусть не сразу, но в итоге инстинкт самосохранения должен был заставить Шанина бороться. А вот поди ж ты, ничего подобного не случилось.

В связи с этим обстоятельством патологоанатом тщательнейшим образом проверил все биологические материалы на предмет наличия химических веществ, способных затормозить

естественные реакции организма, но таковых не нашел. Никаких препаратов Шанин перед смертью не принимал. А также не ел, не пил и не курил.

Ботинки, отсутствующие на теле, криминалисты нашли в пятистах метрах, в кустах под железнодорожным мостом. Там же, чуть дальше по дороге, был обнаружен автомобиль марки «Ниссан», принадлежащий Шанину.

Читая про автомобиль, Гуров чертыхнулся. Задержись он в отделе, пробили бы авто по базе ГИБДД, получили бы и имя, и адрес.

В институт ему все равно пришлось бы ехать, собирать информацию. Но в этом случае он мог бы намного более продуктивно провести беседу с теми самыми сотрудниками координационного центра. Тогда у Гурова была бы фора. Он знал бы о смерти Шанина, а парни-координаторы – нет. Тогда они наверняка откровенничали бы куда охотнее. А так кого заставишь всю подноготную про покойного открывать? Умер уже человек, незачем прах тревожить. Так думает большинство людей, знакомых с жертвами насильственной смерти.

В «Ниссане» следы борьбы отсутствовали, зато отпечатков пальцев там набралось на две лаборатории. Криминалисты предположили, что Шанин вел весьма активную общественную жизнь и катал на своем авто всех подряд. Либо он не особо заморачивался с уборкой. Склонялись они к первой версии, так как в целом в салоне оказалось довольно чисто для начала октября.

Все собранные отпечатки эксперты прогнали по базе данных, но ни одного совпадения не нашли. Ничего больше ни криминалисты, ни патологоанатом Гурову предоставить не смогли.

Зато от дежурного по управлению поступила информация, что субъект, задержанный на мосту, заговорил. Теперь он сам активно просится на допрос.

Закончив с бумагами, Лев Иванович отправился в камеру для допросов.

Стас остался на месте. Генерал, как и мечтал Крячко, вспомнил про дело, завершленное накануне, и велел представить отчет по полной программе не позднее четырех часов дня. Как водится, бумажную работу Стас отложил на неопределенный срок, так что вместо допроса засел корпеть над подбивкой материала.

Гуров смог как следует рассмотреть арестанта только в допросной. Конвой привел его туда через пару минут после того, как сыщик обосновался в этом помещении. Мужчина довольно высокий, под метр восемьдесят, возраст за сорок, плечистый, но весь какой-то нескладный. Кустистые брови нависают над вдавленными глазницами, подбородок выдвинут вперед, крючковатый нос в красных прожилках алкоголика. Взгляд исподлобья заставляет собеседника чувствовать себя неуютно. Длинные пальцы с воспаленными костяшками, которыми тот хрустит не переставая.

«Отталкивающий вид, – решил про себя Гуров. – Такого в темном переулке встретишь, от страха обделаешься».

Держался этот тип спокойно, без суеты и волнения. Вошел, позволил снять с себя наручники, сел на стул, как ему было предложено, и сложил руки на столе. Взгляд его уперся в переносицу сыщика, там до конца допроса и остался. Только хруст костяшек выбивался из общей картины полного спокойствия, но Гуров склонялся к тому, что это скорее дурная привычка, чем выражение волнения.

– Назовите вашу фамилию, имя и отчество, – представившись сам, проговорил полковник.

– Разделкин Александр Иосифович, – ответил задержанный.

– Возраст, род занятий, место проживания? – выдал сразу несколько вопросов Гуров.

– Сорок шесть полных лет, проживаю по месту постоянной регистрации в районе Коньково, на улице Профсоюзной, дом номер семьдесят пять, корпус один. – Этот ответ прозвучал как-то заученно.

– Род занятий? – повторил Гуров вопрос, который Разделкин оставил без внимания.

– А это так важно? – брови арестанта чуть поднялись, выражая недоумение.
– Гражданин Разделкин, вы так просились на допрос, что я не смог вам отказать. А что теперь? Вы решили задавать вопросы вместо меня? – Гуров повысил голос.
– Временно безработный, – нехотя ответил Разделкин.
– Причина отсутствия работы?
– Не нашел подходящей.
– Назовите место предыдущей работы, – настаивал Гуров.
– Сеть продуктовых магазинов «Магнит у дома», грузчик, – выдавил из себя Разделкин. – Проработал полгода, стали зажимать зарплату, уволился. С тех пор нахожусь в поиске.

– На какие средства живете?
– На личные сбережения.
– Из каких средств складывались эти сбережения?
– Я вроде как не в налоговой, – заявил Разделкин.
– Отвечайте на вопрос! – потребовал Гуров.
– Была возможность, откладывал. Так пойдет?
Лев Иванович понял, что про сбережения Разделкин правдивого ответа не даст, и сменил тему.

– Гражданин Разделкин, что вы делали сегодня в пять утра на Дорогомиловском мосту? – задал он новый вопрос.

– Прогуливался, – ответил тот. – Вернее, я не на мосту гулял, а под ним. На него я уже потом побежал. Думал, успею.

– Успеете что? – уточнил Гуров.

– Спасти его.

Разделкин слегка подался вперед и принялся выкладывать свою версию случившегося.

Накануне вечером он поехал в центр на прогулку. Зашел в спортбар, посмотрел пару футбольных матчей. Затем бармен переключил телевизор на бокс, а это был любимый вид спорта Разделкина. Он засиделся слишком долго, пропустил последнюю электричку и решил прогуляться пешком. До дома дойти не надеялся, возраст не тот, но часть дороги осилить мог запросто. К тому же дома его никто не ждал, так что торопиться было особо некуда.

Прогуливался Разделкин якобы без всякой цели, шел в том направлении, в котором ноги несли, оказался у этого самого моста, встал на набережной и просто смотрел на мост. Потом он понял, что устал, решил посидеть перед дальней дорогой, спустился чуть ниже и увидел человека, висевшего на балке моста, да так низко, что запросто мог достать ногами до опоры.

Разделкин с минуту наблюдал за ним, но человек не двигался. Тогда Александр помчался наверх, надеясь успеть оказать помощь.

Когда Разделкин стоял внизу, ему казалось, что этот человек хотел спрыгнуть с моста, но передумал, а вернуться обратно не мог, сил не хватало. С того ракурса, откуда Александр смотрел, ему не было видно веревку. Взбежав на мост, он понял, что ошибся, и все же попытался его спасти. Бывали случаи, когда человек возвращался к жизни после довольно продолжительного нахождения в петле. По расчетам Разделкина выходило, что этот бедолага провисел на балке не так уж и долго.

Разделкин добежал до человека, обхватил его за лодыжки и приподнял. Добраться до веревки он не мог. Карбаться по металлическим балкам было небезопасно, а ничего острого или режущего при себе у Разделкина не было. Так он стоял и удерживал тело на весу, пока руки его слушались. Александр пытался говорить с этим человеком, пробовал выдернуть его из петли, но все попытки оказывались напрасными. Мышцы устали, он выпустил тело из рук, опустился на корточки, какое-то время передохнул и снова приподнял висельника. Ему показалось, что тот еще дышит.

Долго удерживать вес человека он не мог, поэтому решил подставить ему под ноги спину, а потом набрать службу спасения. Но, как назло, телефона в кармане у него не оказалось. Уходя на прогулку, он оставил его в квартире. Тогда Александр просто поставил ноги висельника себе на спину и стал ждать, когда кто-то заметит, что происходит на железнодорожном мосту, и вызовет помощь.

Потом нагрянули омовцы, скрутили его, поволокли в машину и привезли сюда.

Гуров слушал рассказ Разделкина и никак не мог определить, какое впечатление он на него производит. Вроде бы все логично, вполне объяснимо. Ночные прогулки одинокого человека, не имеющего работы и компании для проведения досуга. Его реакция на увиденное. Даже тот факт, что телефона у Александра под рукой не оказалось, выглядел вполне правдоподобно. Все же Гуров чувствовал, что Разделкин с ним далеко не откровенен. Что-то он недоговаривает, пытается скрыть какие-то моменты этой истории.

Виновен ли этот человек? Действительно ли он хотел помочь или испугался того, что натворил, и попытался исправить ошибку?

Этот вопрос оставался без ответа. На большую откровенность Разделкина рассчитывать не приходилось. В итоге Гуров объяснил этому субъекту, что ввиду сложившихся обстоятельств ему придется посидеть в камере еще некоторое время. Оказалось, что насчет этого у Разделкина возражений не было. Мол, проверяйте, выясняйте. Торопиться мне совершенно некуда.

Когда Гуров вернулся в кабинет, Стаса Крячко там не было. Лев Иванович предположил, что тот домучил-таки отчет и понес его генералу.

Он вызвал к себе капитана Жаворонкова и поручил ему собрать всю возможную информацию по Разделкину.

– Сделать это желательно как можно быстрее, – проговорил Гуров. – Пока у меня не будет информации по Разделкину, двигаться мне некуда, а время, сам знаешь, самый важный фактор в раскрытии преступления.

Жаворонков ушел, а Гуров задумался.

«Что еще я могу предпринять, пока жду результатов? Снова поехать в институт, пообщаться там с коллегами Шанина? Вдруг Татьяна права, и у профессора все же появилась подруга, а у нее есть ревнивый муж или бывший воздыхатель? Эта версия – практически классика жанра, так почему бы не проверить ее?

Или же отправиться в район Дорогомиловского моста и попытаться найти новых свидетелей? Никто не знает, сколько в столице любителей ночных прогулок, таких, как Антонов и Разделкин.

Понятно, что на календаре первое октября, но по факту погода в этом году москвичей балует. Дожди не заливают, ветра не свирепствуют, да и температура воздуха вполне пригодная для эпизодических прогулок».

Гуров бросил взгляд на часы и увидел, что стрелки приближались к четырем.

«Ого, сколько времени я провозился», – удивился полковник.

Он чуть подумал и решил отправить на набережную ребят из отдела.

«Пусть потрудятся, ноги разомнут, а я сгоняю в НИИ, побеседую с кем-то из профессорского состава. Может, что и накопаю. Ну а оттуда можно будет и домой отправляться».

Перед тем как ехать, сыщик позвонил Славику и спросил, есть ли на месте кто-то из профессорского состава, можно ли будет с кем-то обсудить производственные дела Шанина. Славик заверил полковника в том, что преподавательский состав он сможет лицезреть вплоть до семи часов вечера. Раньше, мол, никто из сотрудников НИИ через проходную не проходит. Еще Славик дал ему пару дельных подсказок по поводу того, с кем Шанин общался особенно тесно.

Таких персон оказалось не так уж и много. Славик упомянул младшего научного сотрудника Костюшкина, которого Шанин опекал последние три года, еще Вишнякова, его секретаря или помощника по связям с общественностью. Назвал он и пару профессоров, с которыми Евгений Иванович время от времени встречался в неформальной обстановке. Это были Николай Никандров и Узморский с чудным именем Аврелий.

С таким уловом сыщик уже мог развернуться.

Оказавшись в знакомом холле, Гуров сразу предъявил дежурному охраннику удостоверение и заявил, что находится при исполнении, так что время тянуть не стоит. Этот парень оказался не таким дотошным, как предыдущий, выписал визитеру временный пропуск и обошелся без доклада начальнику охраны. После этого он услужливо подсказал сыщику, куда тому следует идти, чтобы встретиться с профессором Никандровым.

Согласно инструкции, Гуров поднялся на третий этаж, прошел по длинному коридору, пару раз повернул налево и оказался в тупичке с единственной дверью. На ней красовалась табличка с надписью «Лаборатория профессора Никандрова».

Лев Иванович подергал за ручку. Дверь оказалась заперта. Он постучал, но ответа не последовало.

«Вот тебе и раз, – подумал полковник. – Что же мне теперь делать? Где искать профессора?»

Выручил его все тот же Славик. На звонок он ответил мгновенно, будто сидел и ждал вызова. Он попросил сыщика никуда не уходить и отключился.

Прождал Гуров минут пятнадцать, зато в итоге получил вместо одного сразу двух профессоров. Никандров и Узморский пришли вместе.

Никандров запустил всех в помещение лаборатории, устроил в комнате отдыха и начал разговор первым.

– Это правда? То, что сказал нам Славик? – спросил он. – Жени Шанина действительно больше нет?

– Да, это так, – ответил Гуров.

– Славик сказал, что его убили. Как такое возможно?

– Это нам и предстоит выяснить, – заявил Гуров. – Собственно, за этим я и приехал.

– Думаете, это кто-то из наших? – подал голос профессор Узморский. – Об этом не может быть и речи! В институте работают люди исключительной порядочности.

– Да брось ты, Аврелий. Навуходоносор, по-твоему, порядочный человек? Или, может, Лева Строев? – возмутился Никандров. – Это я еще про группу Васечкина молчу.

– Ты занимаешься подменой понятий, – принялся философствовать Узморский. – Одно дело – защита интересов рабочей группы, и совсем другое – противоправные действия.

– А откуда мне знать, разграничиваются ли критерии порядочности у того же самого Строева, или он во всех областях жизни ведет себя недостойно, – настаивал Никандров. – Вполне вероятно, что ради защиты тех самых пресловутых интересов рабочей группы этот тип не остановится перед устранением препятствия.

– Профессор Шанин являлся препятствием для Строева? – вклинился в полемику Гуров.

– Нет, что вы! – заявил Никандров. – Это всего лишь рабочая версия. Для примера, так сказать.

– Так! Давайте изначально определимся, – категорично заявил Гуров. – Времени у меня в обрез, так что прошу выдавать только ту информацию, которая имеет отношение к Евгению Шанину и подтверждена фактами. Я могу на вас рассчитывать?

Профессора сконфузились и принялись рассыпаться в заверениях, что впредь станут говорить только о том, что имеет отношение к делу. Разумеется, только факты. На этом они и порешили.

Гуров начал задавать конкретные вопросы, а профессора то врозь, то поодиночке отвечали на них.

Профессор Шанин, по мнению коллег и друзей, являлся примерным семьянином. Предположить, что у него вдруг появилась пассия, казалось им невозможным. На этом сошлись оба профессора.

Относительно сотрудников, находящихся в его подчинении, Шанин вел довольно строгую политику. Сачковать и отлынивать, работая над его проектами, не удавалось никому. С лентяями он расставался безжалостно, но серьезных конфликтов с уволенными сотрудниками у него не возникало. Как правило, сотрудники с ленцой сами от него убегали. Вообще, по мнению коллег, работать в группе Шанина было непросто. Зато те люди, которые задерживались там хотя бы на год, оставались в команде надолго.

Другой аспект профессиональной деятельности Шанина, а именно поиск и привлечение инвесторов под свои проекты, проходил в стороне от глаз коллег-профессоров. Но о том, что эта деятельность приносила ощутимые результаты, знали все. У Шанина в запасе всегда имелись один-два инвестора, готовых подписаться под его исследования. Один только проект все-российского фестиваля науки чего стоил. Под крышей НИИ ядерной физики в дни его работы собирались представители почти всех регионов страны. Это обходилось недешево. Большую часть расходов несли инвесторы, завербованные Евгением Шаниным.

Изменения в его поведении профессора отметили особо. Да, в последнее время Женя стал раздражительным, нетерпимым к ошибкам подчиненных. Теперь он больше времени проводил в лаборатории, в одиночестве, часто отказывался от встреч в неформальной обстановке и вообще вел себя недружелюбно.

Друзья-профессора списывали раздражение коллеги на непростую ситуацию в семье. Все знали, что супруга Шанина страдает бессонницей, и помочь ей не может никто из тех медицинских светил, которых с упорством мамонта отыскивал Евгений.

Но ни один из профессоров не мог предположить, что понадобилось Шанину на Дорогомиловском мосту, кто мог желать ему смерти и почему он ни разу не обмолвился о реальных проблемах, пока еще был жив. По какой причине Евгений впервые за долгие годы покинул стены НИИ в неурочное время, его коллеги тоже не знали.

Про инвесторов профессора посоветовали Гурову поговорить с Вишняковым, помощником Шанина. Они подсказали сыщику, где его найти, и распрощались с ним.

Лев Иванович отправился в восточное крыло здания, где обитал помощник Шанина. Плутал он долго, пока не встретил смышленного парнишку, который согласился довести его до места.

Вишняков расположился в кабинете профессора и разбирал бумаги. Приход полковника Гурова его смутил. Узнав, кто перед ним, он начал оправдываться, сказал, что вторжение в кабинет руководителя обусловлено крайней необходимостью. Новость о смерти профессора уже облетела все этажи. На Вишнякова посыпались всяческие жалобы, требования представить дополнительные отчеты, гарантии и просто план дальнейших действий. А что может он, простой помощник великого светила? Да практически ничего. Вот и пришлось ему копаться в бумагах покойного, не дожидаясь, пока тело опустят в землю.

Хорошо еще, что инвесторы пока не в курсе. А как только узнают, тут и начнется полнейший ажиотаж. Как он будет отчитываться перед ними за освоенные денежные средства? С неосвоенными проще. Разослал отказы во все организации, перечислил деньги физическим и юридическим лицам и забыл о них. Но ведь многие проекты уже оплачены. Кто будет заниматься их завершением? Неужели младший научный сотрудник Костюшкин? Но ведь он совершенно не подходит для этой роли.

– Неужели это человек настолько плох? – вклинился в монолог Вишнякова полковник. – Почему вы так считаете? Ведь по какой-то причине профессор Шанин выбрал Костюшкина себе в ученики. Или как у вас это происходит?

– Да не выбирал он его, – в сердцах бросил Вишняков. – Ситуация так сложилась. Иначе Шанин никогда в сторону Костюшкина даже не посмотрел бы.

– Поподробнее можно? – попросил Гуров.

– Зачем? Неужели вы думаете, что сможете что-то изменить?

– Эта информация может понадобиться мне в ходе расследования, – пояснил Гуров.

– Надеетесь, что это Костюшкин Шанина на тот свет отправил? – осведомился Вишняков. – Было бы неплохо. Избавиться от Костюшкина, я имею в виду. Конечно, смерть Шанина для всех невосполнимая утрата, но если это поможет освободиться от трутня Костюшкина, то большая часть научных сотрудников НИИ сможет считать смерть профессора не напрасной.

– Да объясните вы, в конце концов, чем вам так насолил этот Костюшкин! – Гуров уже не на шутку рассердился.

– Чем? Ладно, расскажу, но предупреждаю, что ни в каких инстанциях повторять сказанное не стану, а спросят, откажусь от всего.

– Идет, – согласился Гуров, полагая, что если возникнет такая необходимость, то он сумеет убедить Вишнякова изменить первоначальное решение.

Особой оригинальностью эта история не блистала. В один из крестовых походов за головами инвесторов профессор Шанин познакомился с бизнесменом Костюшкиным. Денежки у того водились в неограниченном количестве, но в нагрузку к ним имелся сын, студент МГУ. Знаниями этот мальчик, мягко говоря, не блистал. Шанин подозревал, что он попал в элитное образовательное учреждение исключительно благодаря финансовой поддержке любящего отца.

Если бы бизнесмен Костюшкин пошел напролом и сразу предложил Шанину взять своего бесперспективного сынка под крыло, то профессор наверняка отказался бы. Плодить в ученой среде недоумков, которых там и так слишком много, он не собирался. Но бизнесмен Костюшкин не на пустом месте свои миллионы заработал. В отличие от сына, голова у него варила как надо, и в бизнесе он разбирался покрупче Рокфеллера.

Этот господин проявил нешуточную заинтересованность в продвижении проектов Шанина, тем более что сфера научных исследований профессора оказалась весьма перспективной. Он много лет работал над проектами удешевления энергии во всех ее видах. Кому же не захочется вложиться в такое перспективное дело? Костюшкин так и поступил.

Когда проект заработал в полную силу, он и подкатил к Шанину с предложением взять сынка под личную опеку. Тот сопротивлялся сколько уж мог. Но над проектом нависла реальная угроза заморозки ввиду приостановки финансирования, и сопротивление Евгения Ивановича было сломлено.

Надо отдать ему должное. Поначалу Шанин добросовестно пытался вылепить из малоумного Костюшкина что-то более-менее подходящее для научной работы. Он таскал его на конференции, заставлял штудировать специальную литературу, выполнять определенные обязанности в личных проектах. Но выше должности младшего научного сотрудника, для которой было достаточно иметь диплом о высшем образовании, опубликовать один научный труд за пять лет и получить должность в научно-исследовательском институте, подтянуть данного субъекта профессор не смог.

Даже просто до научного сотрудника, где достаточно было отработать три года в том же исследовательском институте, при жизни Шанина Костюшкин недотянул. И вот теперь он претендует на место профессора. Как такое вообще могло прийти ему в голову? Он ведь не имеет ни ученой степени, ни звания, даже аспирантуры за плечами у него нет.

Возмущению Вишнякова не было конца. Он теперь надеялся лишь на то, что на проекты Шанина охотников найдется достаточно. Причем не только в стенах их института.

Потом Гуров перевел разговор на личные дела Шанина. Как он проводил свободное время, где бывал, с кем встречался?

На такие вопросы Вишняков отвечал крайне неохотно. Сыщику было видно, что данная тема ему неприятна. Лев Иванович немного подождал, да и спросил в лоб, что конкретно смущает Вишнякова. Почему он не желает говорить о личной жизни профессора?

Тот чуть помедлил, а потом все-таки ответил:

– Знаете, для меня вторгаться в личное пространство профессора все равно что по могиле его ходить. Вы ведь не просто так задаете такие вопросы, верно? Вы пытаетесь найти что-то, что позволит вам искать преступника в кругу приближенных Шанина, надеетесь услышать нечто такое, что охарактеризует моего работодателя с неприглядной стороны. С кем он конфликтовал, кого недолюбливал, кто не особо уважал, а то и ненавидел его. Быть поставщиком подобной информации довольно неприятно.

– Я вас понимаю, но ведь и ситуация непростая. Главная цель всех моих вопросов состоит в том, чтобы найти преступника, задержать его и привлечь к ответу. Ради этого стоит пожертвовать личным комфортом, вам не кажется? – так же рассудительно произнес Гуров.

– Пожалуй, – подумав, согласился Вишняков. – И все же того, что вы ждете, я вам не скажу. У меня просто нет подобной информации. Мы с профессором общались исключительно на профессиональной почве. Секретов своих он мне не поверял, проблемами не делился. Что же касается его морального облика, то тут можете не копать. Только зря время потратите.

– Благодарю вас за помощь, – сказал Гуров и поднялся. – Еще одна просьба, если можно.

– Слушаю вас. – Вишняков, только что расслабившийся, снова напрягся.

– Если в документах, которые вы разбираете, вам попадется что-то такое, что, по вашему мнению, будет иметь интерес для следствия, то не считайте за труд, позвоните мне. – Сыщик достал визитку и положил на стол перед Вишняковым.

Тот взял в руки белый картон, прочитал номер телефона и ответил:

– Если это случится, то я непременно позвоню вам.

На этом Гуров и Вишняков расстались.

Дальше на очереди у полковника стояла встреча с младшим научным сотрудником Костюшкиным. Где его искать, подсказал ему Вишняков.

– Если не застанете его в первой лаборантской, у девчат из долгосрочного проекта, то ищите в ресторане, расположенном на противоположной стороне улицы. В других местах он практически не бывает, – сказал он, и Гуров его советом воспользовался.

В лаборантской к этому времени почти никого не осталось. Две женщины средних лет торопливо вносили какие-то данные в компьютерные базы. Они явно мечтали поскорее закончить работу и уйти домой. Остальные работники уже ушли.

Гуров спросил, не приходил ли к ним Костюшкин.

Услышав это, женщины переглянулись, и одна из них ответила:

– В ресторане ищите, на другой стороне улицы. Он сегодня туда Светлану повел.

– Светлана, это кто? – уточнил сыщик.

– Лаборантка новая. Два месяца всего у нас, – проговорила женщина. – Молодая, но ушлая, спасу нет.

– Ушлая, это как?

– Да вот так! Увидела Костюшкина, расспросила девчат, что да как, учуяла перспективу и давай перед ним хвостом вертеть. А этот дурень и рад. Девки-то на него и с папашиними деньгами не больно вешаются, а тут красotka сама выбрала.

– Костюшкин, значит, не красавец, – поддержал беседу Гуров.

– Какой там красавец! – Женщина усмехнулась. – Ростом с морковку, лицо красное, глазки свинячьи.

– Хватит болтать, работать надо! – оборвала ее вторая сотрудница. – Чем языком молотъ, лучше пальцами быстрее шевели.

Женщина надулась и замолчала.

Гуров попрощался с дамами и покинул кабинет, пересек улицу, вошел в зал ресторана и огляделся. Описание женщины-лаборантки оказалось на удивление точным. Свинячьи глазки и красное лицо в совокупности с малым ростом, который не скрывали ни ботинки на высокой подошве, ни высокий стул, позволили сыщику без труда узнать младшего научного сотрудника Костюшкина.

Девушка, расположившаяся за стойкой бара справа от него, была поистине красавицей. Длинные русые волосы с едва заметным стальным оттенком, восторженно распахнутые небесно-голубые глаза, губки-клубнички, идеальный маникюр и длиннющие ноги, обтянутые нейлоном телесного цвета с искрой. Завершали эту дивную картину дорогие классические туфли на высоком каблуке и кожаная сумочка-клатч в тон им.

Костюшкин и Светлана составляли весьма колоритную пару. Взгляды посетителей ресторана невольно обращались на них. Они были недоуменными, озадаченными, а порой и откровенно пренебрежительными.

«Жуткая физия! С таким кавалером в общественном месте стыдно появляться», – читалось на лицах женщин, обращенных на Костюшкина.

«А красотка-то что надо. С такой хоть на выставку, хоть на парад», – говорили взгляды мужчин, рассматривающих девушку.

В каждом из этих взглядов единодушно читалось понимание того очевидного факта, что пара эта долго никак не продержится. Выкачает эта девица из парнишки как можно больше денег и свалит.

Лев Иванович прошел к стойке, встал спиной к посетителям и обратился к младшему научному сотруднику:

– Гражданин Костюшкин?

– Кого это интересует? – весьма невежливо пробурчал тот.

– Полковник Гуров, уголовный розыск, – представился сыщик. – Мне необходимо задать вам несколько вопросов относительно насильственной смерти вашего руководителя профессора Шанина. Поэтому вам придется покинуть это заведение.

– Прямо сейчас? – Костюшкин бросил взгляд сожаления в сторону Светланы.

– Да, прямо сейчас, – проговорил Гуров. – Боюсь, вашу встречу придется отложить. – Последняя фраза была обращена к девушке.

Та утомленно зевнула, потрепала Костюшкина по колену и томным голосом заявила:

– Не расстраивайся, дорогой. Иди с этим злым полицейским, а я буду ждать тебя в гостинице. Вы ведь ненадолго его украдете? – Этот вопрос она адресовала Гурову.

Тот не удостоил девушку ответом, жестом указал Костюшкину на выход, дождался, пока тот спустится с высокого стула, и повел его к выходу.

У самой двери младший научный сотрудник оглянулся. Светлана успела заказать себе второй бокал коктейля и теперь лениво оглядывала зал. Костюшкин нахмурился. Оставлять девушку в баре он не хотел, но и заставить ее покинуть место, где на пять женщин приходилось десять мужчин, не мог. Пришлось ему бросить сердитый взгляд на полковника и продолжить следовать за ним.

Глава 4

– Так я пытался, вы же сами трубку не взяли! Что мне оставалось делать? Домой к вам мчаться, из постели вас выдергивать?

– Мог бы и примчаться, раз дело такой срочности!

Этот разговор происходил утром следующего дня в кабинете оперативников. Оправдательную речь толкал капитан Жаворонков, полковник Крячко нападал на него.

Сам Гуров, виновник возникновения данного спора, участия в нем не принимал. Он изучал материалы по Разделкину, собранные капитаном накануне.

Крячко же просто вымещал недовольство на том человеке, который первым попался ему под руку. Таковым неудачником оказался Жаворонков. Причиной недовольства Стаса послужил тот пресловутый отчет, который он накануне составил для генерала. Эта бумага вернулась к нему на стол с пометкой «переделать», не прошло и двенадцати часов. В управление Крячко пришел невыспавшимся, а тут еще перспектива новый день потратить на бумажную работу. Такое сочетание кого угодно из равновесия выведет. Капитан вошел в кабинет как раз тогда, когда Крячко прочитал резолюцию на отчете, потому и угодил под раздачу.

А новости от Жаворонкова оказались стоящими. Не в пример вчерашней беседе с псевдонаучным сотрудником Костюшкиным.

Ехать в управление этот субъект наотрез отказался, уговорил Гурова вернуться в институт и побеседовать там. Спустя пятнадцать минут после начала разговора сыщик уже был рад, что согласился на предложение Костюшкина. Разговор с ним оказался настолько непродуктивным, что его по большому счету можно было и не начинать.

Вместо того чтобы отвечать на вопросы, Костюшкин то и дело сбивался на свою волну. Сперва он рассказывал, как комфортно ему было работать под руководством профессора Шанина, потом начал выяснять, как производится опознание, и потребует ли ему проходить через данную процедуру. После этого данный субъект начал доказывать, что именно он идеально подходит на роль заместителя Шанина во всех проектах. Далее, противореча самому себе, младший научный сотрудник принялся ныть насчет того, что бремя ответственности ему не вынести.

Короче говоря, ничего стоящего вытянуть из Костюшкина Гурову так и не удалось. Даже отделаться от этого прилипчивого типа он смог не сразу.

Лев Иванович вернулся домой весь измученный, с головной болью, наскоро поел и завалился спать. Перед этим он вопреки собственному правилу выключил у телефона звук. Его супруга Мария пребывала на гастролях, так что уже неделю Гуров жил холостяком. Проконтролировать звонки оказалось некому, а у самого полковника на это не осталось сил. Вот как вышло, что звонок капитана Жаворонкова остался без ответа.

Жаворонков сработал качественно, собрал всю доступную информацию на Разделкина. Оказалось, что Александр Иосифович имел высшее медицинское образование, работал хирургом высшей категории в клинике имени Боткина, проводил плановые и экстренные операции, имел хорошую репутацию и определенный вес в медицинских кругах. В клинику он попал по личному приглашению главного врача, под руководством которого проходил там медицинскую практику. Можно сказать, что Разделкин вырос в этой больнице.

Однако шесть лет назад тем же самым главврачом Разделкин был уволен из клиники в соответствии с приговором суда. Тот вменил ему статью «Неоказание медицинской помощи», назначил наказание в виде штрафа и лишил права заниматься медицинской деятельностью.

Уголовной ответственности Разделкину удалось избежать лишь благодаря профессионализму адвоката. Читая дело, которое добыл Жаворонков, Гуров понял, что если бы у Разделкина защитник был чуть похуже, то три года он отсидел бы наверняка. Именно адвокат провел

его через все коллизии апелляций и пересмотров дела, на которые не скупилась потерпевшая сторона, но статью «Причинение смерти по неосторожности» Разделкину так и не вменили.

Сыщик полагал, что здесь не обошлось без помощи главврача больницы. Сам хирург столь длительный процесс финансово вряд ли потянул бы.

Пока Гуров листал страницы, Крячко и Жаворонков продолжали препираться. Их громкие голоса мешали сыщику сосредоточиться.

– Парни, может, хватит воздух сотрясать? – Гуров оторвал взгляд от бумаг и продолжил: – Стас, отстань от него. В ночном звонке смысла не было, ты сам это знаешь. А ты, Валера, не попустительствуй. Знаешь свою правоту. В глупый спор не вступай.

– Так я и не вступал, – заявил Жаворонков. – Товарищ полковник сам настаивал. Ответь, мол, да и все тут!

– Ладно, забыли. Ты, капитан, пока не уходи, можешь понадобится, – проговорил Гуров. – А ты, Стас, лучше послушай, что Валера для нас нарыл. Бумаги ты ведь не смотрел?

– Нет. В двух словах опишешь, мне достаточно будет, – ответил Крячко. – Все равно тебе одному это дело разгребать. Я снова на повинности, отчет переделывать придется.

– Знаешь, кем в недалеком прошлом был наш подозреваемый? – задал вопрос Гуров и сам же на него ответил: – Врачом, практикующим хирургом, причем не где-нибудь, а в Боткинской больнице.

– Ого, хорошее место. – Крячко тут же забыл и про капитана, и про отчет. – А почему он сейчас не практикует? Чем проштрафился?

– А ты угадай, – предложил старинному другу Гуров.

– Запил? – ляпнул Крячко первое, что пришло ему на ум.

– Вторая попытка.

– Начальству не угодил?

– Нет, товарищ полковник, он под статью попал, – влез в разговор Жаворонков в надежде задобрить Стаса.

– Под статью? Это что-то интересное, – произнес Крячко. – Уголовка?

– Нет, по медицинской части, – ответил Жаворонков. – Он пациенту не до конца диагноз поставил, а тот умер.

– Что значит не до конца? – не понял Крячко.

– Ты погоди с диагнозом, – остановил его Гуров. – Тут интересно другое. Фамилия пациентки, за смерть которой судили Разделкина, Шанина!

– Да ладно! Однофамилица?

– Уверен, что нет. Потерпевшей стороной в деле фигурировал Евгений Шанин, – сказал Гуров.

Ждать реакции напарника ему не пришлось.

– Вот это поворот! – Крячко удивленно поднял брови. – Наш Шанин? Висельник с моста?

– Он самый, – подтвердил Лев Иванович. – А пациентка, судя по дате рождения, его мать.

– Так это же в корне меняет дело! – Такая новость изрядно взбудоражила Станислава. – Это же такой мотив! Да еще возможность, дело почти закрыто! Ну и везунчик ты, Гуров.

– Погоди дело закрывать, – осадил тот приятеля. – Сначала нужно во всем разобраться, с Разделкиным побеседовать, послушать, что он в свое оправдание скажет. Не лишним будет пообщаться с главврачом, выяснить обстоятельства дела, сравнить показания задержанного и его бывшего начальника. Потом можно будет и победную песнь заказывать.

Обсудив все детали, сотрудники уголовного розыска занялись своими делами. Валера пошел в аналитический отдел, Стас засел за отчет, а Гуров направился в камеру для допросов, куда по его требованию конвой должен был доставить арестанта.

Их новая встреча прошла не так гладко, как первая. Обстоятельства дела шестилетней давности Разделкин отказался обсуждать наотрез.

– Был суд, решение принято, наказание понесено, все подробности ищите в деле, – заявил он Льву Ивановичу.

Дело с собой Гуров прихватил, поэтому начал зачитывать отдельные моменты и вынуждать арестанта давать комментарии к ним.

Промучившись так вот часа полтора, Гуров взорвался и заявил:

– Значит, так, гражданин Разделкин!.. Либо вы начинаете сотрудничать, либо я передаю дело в прокуратуру, и вас судят за предумышленное убийство гражданина Шанина. Вы прекрасно понимаете, что обстоятельства против вас. Вы оказались на месте преступления. Есть свидетель, который заявляет, что видел, как вы вешали тело Шанина на опору железнодорожного моста. Мотив ваших действий настолько ясен, что даже суд присяжных, будь у вас возможность таковым воспользоваться, не встанет на вашу сторону. Дело прогремит на всю столицу, а то и страну. Я, знаете ли, так и вижу заголовки в новостях: «Преступник вернулся! Беспрецедентный случай! Хирург-палач убил сначала мать, а потом и сына».

– Я не убивал его мать, и он это прекрасно знает, – заявил Разделкин, не выдержав такого напора. – Она умерла потому, что скрыла свое состояние!

– Это вы так говорите, – продолжал давить Гуров. – Сын считал иначе, и суд с ним согласился.

– Да плевать мне на суд! Туда любого человека с улицы затащи, они найдут, что ему припаять. Если бы дело решала медицинская квалификационная комиссия, то меня оправдали бы прежде всего потому, что состава преступления в моих действиях не было и не могло быть.

– Если вы настолько уверены в своей невиновности, то почему отказываетесь отвечать на вопросы, не расскажете мне, как все было? – произнес Гуров.

– Ладно, черт с вами, я расскажу. Только вряд ли мне это поможет, – сказал Разделкин. – Вы ведь сами заявили, что мотив у меня крепче, чем у других – железное алиби. С таким мотивом прямиком на гильотину. Судью адвокат не убедил, а ведь он профессионал. Думаете, мне удастся убедить вас?

– А вы попытайтесь, – посоветовал ему Гуров.

Мать Евгения Шанина поступила в Боткинскую больницу первого июня с банальным аппендицитом. Сын развил бурную деятельность, дошел до главврача и настоял, чтобы операцию по удалению аппендикса выполнил лучший хирург. У главного такие типы, как Шанин, давно уже в печенках сидели. Прибегали, грозили, деньгами сорили, а в итоге все равно оказывались недовольны оказанными услугами и поливали грязью всех врачей подряд. Но реагировать ему все равно пришлось.

С Шаниным он провел стандартную беседу, вызвал в кабинет Разделкина, представил его как ведущего хирурга отделения и заявил, что интересы этой пациентки для того будут в приоритете. Шанина беседа удовлетворила. Разделкин собрал анамнез, провел все необходимые анализы и назначил дату операции.

Парадокс заключался в том, что состояние матери Шанина даже не требовало экстренного вмешательства. Ну да, покачивало в боку, подташнивало, аппетит упал, появилась общая слабость. Однако острых симптомов не было. УЗИ показало увеличение аппендикса, не представляющее угрозы для жизни.

Ввиду того, что пациентка оказалась проблемной, Разделкин постарался обезопасить себя от вполне возможных нападков. Анализы он провел даже сверх того, что требовали обстоятельства, и все они оказались в норме. Для пациента в возрасте – случай небывалый.

Операция прошла успешно, едва воспалившийся аппендикс был иссечен, рана обработана и зашита. Пациентку перевели в палату послеоперационного наблюдения. Разделкин наблюдал больную сам, ежедневно утром приходил к ней, справлялся о самочувствии, отслеживал результаты повторных анализов и температуру. Все было в норме, и спустя положенный срок Шанину выписали.

Однако через пять дней в больницу влетел Евгений и с порога заявил, что засудит Разделкина за убийство матери.

Шанина, находящегося в состоянии аффекта, кое-как утихомирили и отвели в кабинет главврача. Там тот и рассказал, что произошло.

В девять утра мать пожаловалась на недомогание, головокружение и тошноту. Шанин решил, что это последствия некачественно выполненной операции, и заявил, что вызывает «Скорую». Врачи приехали примерно через полчаса. К тому времени женщина уже с трудом передвигалась по квартире. К тошноте и головокружению прибавилась острая боль в животе. До машины мать Шанина несли на носилках. Уже в «Скорой» ей поставили какие-то капельницы, подключили к аппаратам, но живой до больницы не довезли.

Каким-то образом главврачу удалось убедить Шанина вернуться домой, отложить месть на более подходящее время. После его ухода он связался с институтом Склифосовского, куда доставили тело. Хотя это и было незаконно, но ему удалось получить копию результатов вскрытия.

Оказалось, что у женщины в прямой кишке образовались каловые камни, которые спровоцировали трещину. Через эту трещину в брюшную полость проникли частицы каловых масс, что привело к нагноению швов удаленного аппендикса.

Обнаружить трещину прямой кишки во время операции по удалению аппендикса Разделкин физически не мог. Жалоб на отсутствие стула, а тем более на образование запоров от пациентки не поступало. Стандартный перечень вопросов при обходе послеоперационных больных содержит в себе данный вопрос. Не задать его Разделкин не мог. Он четко помнил, как пациентка отвечала ему, что проблем со стулом у нее нет.

Главврач сопоставил все факты и решил, что претензии Шанина в их адрес не имеют под собой основания. Так он и сказал Разделкину. А спустя месяц тот оказался в суде.

– По большому счету вышло, что умерла она по собственной глупости. Ей просто было неудобно обсуждать с врачом вопросы испражнения, – проговорил Разделкин. – Когда в суде не удалось доказать мою некомпетентность и некачественное исполнение профессиональных обязанностей, адвокат Шанина потребовал переqualифицировать дело. Он обвинил меня в неоказании медпомощи, заявил, что я видел состояние прямой кишки пациентки, но посчитал, что показаний к операции нет или просто не захотел назначать повторную, чтобы не портить статистику. Суд с этим утверждением согласился. В результате я лишился лицензии.

– Скажите, как вы оказались возле железнодорожного моста?

– У моста? Так я уже говорил, – этот вопрос Гурова явно застал Разделкина врасплох, – гулял я там. Разве это запрещено законом?

– Не врите, Разделкин. Таких совпадений просто не бывает, – устало произнес Гуров. – Вы следили за ним, верно? Зачем?

– Да, следил много месяцев, – неожиданно признался Разделкин. – С некоторых пор это стало настоящей необходимостью для меня. Я ходил в те же места, куда и он, знал тех же людей, покупал такие же продукты. Знаете, этот фрукт ведь ни разу меня не узнал. Жизнь мне поломал, а лица не запомнил. Только в этот раз я действительно гулял. А под мост пошел, потому что машину его увидел. Подумал, странно это. Что профессору понадобилось в этом районе в такой час? А потом увидел на мосту человека, но почти сразу догадался, что это именно он, Шанин, висит на балке.

– Вы помчались его спасать?

– Глупо, да? – Разделкин невесело усмехнулся. – Сам знаю, что так и вышло. Надо было развернуться и уйти. Жаль, что я этого не сделал. Не стоило пытаться доказать кому-то, что ты порядочный человек.

– Если я обращусь к главврачу, он подтвердит вашу версию конфликта с Шаниным? – спросил Гуров.

– Кто его знает? Я теперь не в его команде. Может, он и не станет из-за меня мараться, – ответил Разделкин и пожал плечами. – Хотя мужик правильный. Ну а насчет состояния Шаниной я не наврал.

– Хорошо, это мы проверим, – заявил Гуров. – Если вспомните еще что-то, передайте через охранника, что хотите меня видеть. – Лев Иванович нажал кнопку вызова охраны.

Конвой увел Разделкина.

После разговора с ним сыщик не видел смысла в поездке к главврачу. Он не сомневался в правдивости рассказа Разделкина, по крайней мере, в той его части, что касалась причины смерти пациентки и судебных разбирательств. В остальном ему еще предстояло разобраться.

Гуров решил вернуться к себе и помозговать на пару с Крячко о том, куда двигаться дальше. Однако до кабинета он не дошел. В коридоре полковника перехватил дежурный и сообщил, что генерал Орлов разыскивает его. Льву Ивановичу пришлось идти к начальству.

– Что там у тебя с подозреваемым? – задал вопрос Орлов, едва Гуров успел переступить порог. – Признательные показания он еще не подписал?

– Не уверен, что это вообще актуально, – заявил сыщик.

– Как так? А Крячко сказал мне, что у тебя уже все на мази. Мол, везет же Гурову, не успел дело открыть, как уже закрывать можно. И мотив у тебя на руках, и свидетель. Осталось признание получить.

– Если бы так, Петр Николаевич, – сказал сыщик и махнул рукой. – Сомнительно это все. Тут еще подумать надо.

– Выкладывай, Лева, вместе помозгуем, – предложил другу Орлов.

Гуров вкратце рассказал ему, что именно выяснил о подозреваемом капитан Жаворонков, изложил историю Разделкина, после чего подвел итог:

– Вроде бы все на месте. Видел или нет Антонов, как Разделкин жертву на балку вешал, не столь уж и важно. Ребята из группы захвата взяли его возле тела. Факт знакомства с жертвой Разделкин скрыл. Месть за загубленную карьеру как мотив для совершения преступления пройдет в любой инстанции. Однако мне все равно не нравится, как все складывается.

– Что именно не так складывается? – спросил Орлов.

– Допустим, Разделкин действительно затаил обиду на Шанина и решил отомстить ему. Почему так долго ждал? Да просто не решался. По натуре Разделкин не убийца. Решиться на подобный акт, это не в магазин сходить.

– Да, понятно, – поддержал полковника Орлов. – В нашей практике бывали случаи, когда люди и по десять, и по двадцать лет ждали, прежде чем совершить убийство из мести. Удушение как способ убийства довольно сильно распространено. Не нужно искать медицинские препараты, светиться при их покупке, избавляться от оружия, как холодного, так и огнестрельного.

– Думаю, достать лекарства для бывшего медика не проблема, – сказал Гуров.

– Веревку – тем более, – заметил Орлов. – Ты так и не сказал, что конкретно тебя смущает.

– Зачем Разделкину тащить тело Шанина на мост? Почему не оставить там, где убил? – задал вопрос Гуров. – Почему не замаскировать убийство под суицид? Ведь глупо так подставляться, когда можно хотя бы попытаться замести следы.

– Тут месть как нельзя лучше все объясняет, – произнес Орлов. – Суицид – дело сугубо личное, а человеку, который задумал отомстить, очень важно, чтобы мир узнал, что справедливость восторжествовала, обидчик получил свое полной мерой.

– Тогда почему он не ушел, остался возле трупа? – продолжал Гуров. – Может, хотел, чтобы люди знали, от кого пришло возмездие?

– Как вариант, – сказал Орлов.

– Да ерунда это все, – заявил Гуров, вскочил и принялся ходить взад-вперед по кабинету. – Так это не работает. Если бы Разделкин хотел сообщить всему миру о том, что раскви-

тался с Шаниным, то он наверняка выбрал бы другой способ убийства, быстрый и эффективный, да и место наверняка присмотрел бы другое, более-менее людное. А так хрень какая-то получается. Убил в уголке, на мост затащил в темноте, а потом час сидел, подставляя под ноги трупа собственную спину. Маразм!

– Да, в твоей трактовке эта ситуация и правда больше на сценарий дурного фильма смахивает, – вынужден был согласиться Орлов со словами друга. – Но тогда как, по-твоему, все происходило?

– Думаю, Разделкин говорит правду. В этом самом месте он действительно оказался по воле случая, увидел машину и понял, что на мосту висит Шанин. Спасать его кинулся чисто механически. Как можно после стольких лет работы в экстренной хирургии не прийти на выручку тому человеку, жизнь которого находится в опасности? Для него это действие на уровне инстинкта.

– Клятва Гиппократ и все такое? – попытался пошутить Орлов, чтобы немного разрядить обстановку.

– Именно так! Думаю, Разделкин из той категории врачей, моральные принципы которых не исчезают вместе с потерей лицензии, – серьезно ответил Гуров.

– Вижу, к подозреваемому ты проникся уважением, – сказал Орлов, нахмурился и добавил: – Смотри, не переусердствуй в лимите доверия.

– Дело не в том, доверяю я ему или нет, – произнес Гуров. – Дело в том, что я не верю, что Шанина убил он. Тут наверняка должен быть кто-то третий.

– Значит, придется тебе искать этого третьего, – заключил Орлов. – Ладно, иди, Лева, разбирайся со своим висельником. Не очень-то я тебе помог.

– Я обязательно разберусь, Петр Николаевич, – пообещал начальнику Гуров и вышел из кабинета.

Дойти к себе сыщик снова не успел. Примерно на полпути его осенила идея. Разделкин признался, что следил за жертвой несколько месяцев, почему этим не воспользоваться? Ведь он ходил за Шаниным по пятам, значит, знает всех, с кем профессор встречался, может показать все места, в которых тот бывал. Понятно, что Шанин пребывал под наблюдением не круглые сутки. Разделкин не робот, ему и есть, и спать необходимо. И все же часть – это лучше, чем совсем ничего.

Гуров развернулся и пошел к камере для допросов. На ходу он связался с изолятором временного содержания и сообщил, что намерен продолжить допрос подозреваемого. В камеру Гуров и Разделкин пришли одновременно, буквально столкнулись в дверях. Конвойный оттолкнул задержанного к стене, освобождая место для прохода полковника. Гуров вошел в помещение первым, следом конвойный завел туда Разделкина, снял с него наручники и вышел в коридор. Дверь за ним закрылась. Гуров сел на привычное место и жестом предложил Разделкину сделать то же самое.

– Что-то вы зачастили, – оставаясь стоять, произнес тот. – Похоже, мне пора требовать адвоката.

– Почему вы раньше его не потребовали? – спросил Гуров.

– Так я же ни в чем не признавался, – ответил Разделкин. – Обвинение мне пока никто не предъявлял.

– Я и сейчас его вам не предъявлю, – сказал Гуров. – Насчет адвоката вы как решили? Будете вызывать своего?

– Личного защитника я не имею, – с усмешкой проговорил Разделкин. – Работодателя, который помог бы мне в решении этой проблемы, у меня тоже нет. Так что назначайте бесплатного защитника.

– Прямо сейчас? Я могу устроить это в течение десяти минут. Либо мы сперва побеседуем не под протокол, а потом я займусь назначением адвоката.

- Что-то произошло? – осведомился Разделкин и испытующе взглянул на сыщика.
- Не под протокол, – повторил Лев Иванович.
- Что-то плохое для меня?

Разделкин не ответил на вопрос Гурова. Во взгляде его появилось беспокойство. Поведение полковника показалось ему странным.

– То, что я собираюсь сказать, рискованно. Как для меня, так и для вас, – выдержав паузу, произнес сыщик. – Глобальных проблем ни мне, ни вам это не доставит, но дальнейшее общение может осложнить. И все же я скажу. Думаю, что вы не убивали Евгения Шанина.

– Вот это поворот! – Разделкин заметно растерялся. – После такой преамбулы я ожидал услышать нечто иное, совершенно противоположное. Можно полюбопытствовать, что заставило вас изменить мнение?

– Сейчас это совершенно неважно, – ушел от ответа Гуров. – Я собираюсь найти убийцу. Если в итоге им окажутся вы, то это будет означать лишь то, что я ошибся. Только и всего. На конечный результат моя ошибка никак не повлияет.

– Преступник должен сидеть в тюрьме? – Разделкин слегка изменил крылатую фразу капитана Жеглова из некогда популярного фильма про милицию.

– Совершенно верно.

– Что требуется от меня? – Разделкин подтянулся, лицо его стало серьезным и сосредоточенным. – Если вы снова пришли ко мне, то это значит, что вам от меня что-то нужно.

– Вы сказали, что следили за Шаниным не один месяц. Это действительно так и было?

– Не непрерывно, конечно, но следил, – ответил Разделкин.

– Как часто?

– Иногда весь день, в другой раз только вечером. В принципе, слежкой это трудно назвать. Профессор мало где бывал кроме работы и дома.

– Расскажите, как проходила слежка, – потребовал Гуров.

Разделкин закрыл глаза, скрестил пальцы, с полминуты просто шевелил губами, затем начал неспешный рассказ.

Мысль о слежке возникла в его голове спонтанно. Изначально он вовсе не собирался веревочкой виться за профессором, фиксировать, с кем и когда тот встречается. Толчком послужила статья, случайно замеченная в интернете и прочитанная.

В ней описывались грандиозные достижения профессора института ядерной физики Евгения Ивановича Шанина в сфере инновационных разработок. Хвалебные речи, дифирамбы из уст региональных коллег, красной строкой – высокие моральные принципы и полная нетерпимость ко лжи всякого рода. Рядом фотоснимок. Улыбающийся профессор принимает из рук устроителя очередного конкурса наградной кубок.

Сейчас Разделкин уже не мог сказать, что его тогда разозлило сильнее – упоминание о моральных принципах или довольная физия человека, сломавшего ему жизнь. Он помнил только, как смотрел на снимок, а сердце его топила обида.

«За что? Почему он так со мной поступил? Ведь ясно же было, что моей вины в том, что случилось с матерью профессора, нет».

Сколько часов Разделкин просидел, пялясь в монитор? Очень долго. Потом его охватило непреодолимое желание встретиться с обидчиком лицом к лицу, взглянуть ему в глаза и спросить, каково тому живется. Знает ли он о том, что погубил человека напрасно, без вины?

Тогда он поехал туда, где, по его мнению, мог застать обидчика, то есть к зданию НИИ. Он уже стоял возле центрального входа и только тогда понял, что понятия не имеет о том, как действовать дальше. В НИИ его однозначно не пустят. Это вам не овощная база, куда прутся все, кому не лень. Здесь наверняка действует пропускная система. Подойти к охраннику и потребовать вызвать профессора? Тоже не вариант. Так только на неприятности нарвешься. Оставалось ждать, когда профессор сам выйдет.

Разделкин сел на скамейку в ближайшей аллее. Рассчитал он все верно. День будний, время приближается к пяти. Совсем скоро сотрудники института начнут расходиться по домам. Выйдет из здания и Шанин.

Вот тогда Александр и воплотит задуманное. Он подойдет к нему, встанет у него на пути и скажет: «Вот мы и встретились. Каково тебе живется с нечистой совестью?». Или что-нибудь покрусче, совсем уж хлесткое.

Ждать ему пришлось долго. Все это время он потратил на то, чтобы подобрать подходящую фразу. Но когда на крыльце показался Шанин, все заготовки разом вылетели из его головы. Разделкин встал, сделал пару шагов и замер. Профессор был не один, его окружала целая толпа молодежи.

Сначала Разделкин подумал, что данная публика быстро рассосется. Спустится с крыльца, попрощается с профессором и отвалит. Наверняка это группа студентов, у которых Шанин ведет практические занятия или что-то в этом роде. Но нет, профессор шел в направлении парковки, а вся толпа следовала за ним.

Разделкин растерялся. Что делать? Подойти, не обращая внимания на толпу, или отложить задуманное и попытаться застать профессора одного? Лезть вперед прямо сейчас ему не то чтобы не хотелось. Просто Александр понимал, что в присутствии зрителей не получит того эффекта, на который рассчитывал. Евгений Иванович тем временем дошел до парковки, пару минут постоял там, отвечая на многочисленные вопросы, которыми засыпали его студенты, затем сел в машину и уехал. Разделкин же так и остался стоять на тротуаре.

Попытку встретиться с профессором один на один он предпринимал еще несколько раз. Однако ситуация постоянно повторялась. Шанин выходил на улицу с коллегами, со студентами, с группой представительных людей в костюмах. Разделкин снова и снова откладывал задуманное.

Наконец-то он застал Шанина одного и не смог двинуться с места. Ноги его точно свинцом налились, он не мог сделать ни шагу. Профессор снова уехал, а Разделкин еще долгое время стоял, смотрел на дорогу и убеждал себя в том, что в следующий раз он не облажается.

Вернувшись в тот день домой, Разделкин долго не мог уснуть, все думал, почему так и не подошел к профессору. Передумал? Перетерпел? Или просто обстановка оказалась неподходящей? Он так и не пришел ни к какому выводу, решил возобновить попытки спустя неделю и уснул.

Александр кое-как выдержал только три дня, потом снова поехал к институту. Оказалось, что слежка за профессором вошла у него в привычку. Он уже не стремился во что бы то ни стало взглянуть тому в глаза, успокаивал себя тем, что рано или поздно это обязательно сделает.

Однажды бывший хирург нанял такси, проследил за профессором до дома и узнал его адрес. Теперь он мог выбирать, где именно ждать этого человека, возле института или у подъезда дома.

Месяца три спустя Разделкин знал расписание дня Шанина как таблицу умножения. Жизнь профессора оказалась на удивление монотонной. В шесть тридцать утра он выходил из дома, садился в машину и ехал в НИИ. Дальше по обстоятельствам. Если на этот день не было назначено никаких встреч, то Евгений Иванович оставался в институте до восьми. В противном случае он покидал его в десять, но к двум часам всегда возвращался.

Выходные Шанин, как правило, проводил дома, пару раз ездил с женой в соседний район, как понял Разделкин, к друзьям. Театров супруги не посещали, у себя гостей не принимали, по музеям не ходили, жили тихо, можно сказать, незаметно.

В какой-то степени Разделкин был разочарован. Ему куда проще было ненавидеть профессора, когда он представлял себе его жизнь полной развлечений. Но реалии часто отличаются от того, что рисует нам наше воображение, особенно нездоровое, воспаленное.

Однажды Александр занимал пост возле дома Шанина. Тот, как и всегда, припарковал машину около подъезда и пошел в соседний магазин. Тут Разделкин решил, что пора. Он сорвался с места, последовал за профессором, в магазине снова оробел, притормозил, взял из общей пирамиды корзину и медленно пошел вдоль продуктовых прилавков и витрин.

Профессора он увидел в отделе молочной продукции. Тот рассматривал этикетку на банке со сметаной. Разделкин подошел ближе. Сейчас от Шанина его отделяли какие-то два метра.

«Подожди еще минуту, – подбадривал себя Александр. – Потом иди».

Минута прошла. Разделкин сделал шаг вперед и уже открыл рот, чтобы произнести одну из злых фраз, заготовленных заранее. Тут профессор поднял голову и встретился с ним взглядом. Мститель застыл. Вот оно, свершилось! Сейчас Шанин узнает его!

– Простите, молодой человек, вы мне не поможете? Не могу рассмотреть срок годности, – обратился к нему Евгений Иванович. – То ли этикетка затерта, то ли со зрением проблемы появились.

Профессор протянул Разделкину банку, тот взял ее в руки, но на этикетку даже не взглянул.

– Что-то не так? У вас, наверное, тоже проблемы со зрением, – совершенно спокойно проговорил Шанин. – Не беда, попрошу продавца. В конце концов, это его работа. Простите за беспокойство, молодой человек. Удачного дня. – Профессор забрал из рук Разделкина банку и пошел разыскивать продавца.

Александр так и остался стоять с поднятой рукой и недоумением, написанным на лице. В висках у него стучало, ноги стали ватными.

Дикая по своей абсурдности мысль сверлила мозг:

«Шанин меня не узнал! Как? Как такое вообще возможно? Столько месяцев судебных тяжб, масса крови и нервов. В итоге прошло всего шесть лет, и этот тип забыл обо мне! А как же поломанная жизнь? Да хрен с ней, с моей жизнью. Как Шанин мог забыть лицо человека, который вроде бы убил его мать?»

Неизвестно, сколько Разделкин простоял бы в отделе молочной продукции, если бы не вмешательство охранника. Поведение этого покупателя показалось тому подозрительным. Он подошел к нему, тронул за плечо и поинтересовался, все ли у него в порядке, не нужна ли ему помощь.

От помощи Александр, разумеется, отказался, поставил корзину на пол и ушел.

После этого эпизода он перестал следить за профессором, не ездил ни к институту, ни на квартиру. Вообще из дома не выходил. Сидел на кухне, курил и смотрел в окно. Или спал. И все пытался понять, как профессор мог его не узнать. Но ничего у него не выходило.

По логике вещей, лицо Разделкина должно было отпечататься в памяти профессора на всю жизнь. Ведь сам-то Александр накрепко запомнил физиономию Шанина. Но, видимо, мозг у этого светила науки был организован как-то иначе. Когда Разделкин пришел к такому выводу, потребность встретиться с Шаниным и поговорить с ним разгорелась в его душе с новой силой.

Он возобновил поездки в институт и к дому профессора, иногда останавливался на крыльце и слушал разговоры Шанина с коллегами и студентами. Александр несколько раз заходил вместе с профессором в магазин и специально старался попасться ему на глаза. Но чаще всего он просто наблюдал за входом, дожидался, пока Евгений Иванович выйдет, смотрел, как тот шел до машины или до подъезда, и ехал домой.

Это была странная, можно сказать, печальная история одинокого, оскорбленного человека. Но для Гурова польза в ней нашлась.

Примерно шесть недель назад Разделкин заметил, что в поведении профессора появились изменения. Он стал каким-то нервным, дерганным, оглядывался по сторонам, пока шел до машины и обратно.

Началось это с телефонного звонка. Вернее сказать, с череды таковых.

Первый раз это произошло примерно в середине августа. Профессор приехал домой, вышел из машины, и тут ему кто-то позвонил. Он ответил на вызов, сначала обрадовался, а потом, буквально через несколько секунд, изменился в лице, охнул и только слушал. Закончил он разговор, уже войдя в подъезд.

Недели две после первого звонка профессор с завидной регулярностью выходил на крыльцо НИИ и говорил с кем-то по телефону. Все эти беседы всегда заканчивались одним и тем же. Евгений Иванович довольно грубо требовал прекратить ему названивать и уходил обратно в институт.

Потом звонки прекратились. Профессор больше не появлялся на крыльце. Но именно с тех пор он начал ходить с оглядкой.

Этой информации Гурову оказалось достаточно. Теперь он знал, куда направить расследование и где искать корни проблем Шанина.

Глава 5

В полдень третьего октября полковник Гуров сидел в салоне самолета и перебирал в уме события предыдущего дня.

После повторной встречи с Разделкиным он отправился к Татьяне Шаниной, чтобы выяснить, какой мобильной связью пользовался ее супруг. Аппарат, принадлежавший Шанину, не был найден ни в карманах его одежды, ни на мосту, ни в автомобиле. Вариант отправлять запросы во все компании грозил многодневным ожиданием. Получить конкретный номер и все данные по нему можно было намного проще.

Разумеется, одного телефонного звонка было бы вполне достаточно. Вовсе не обязательно было беспокоить вдову. Номер профессора Гуров мог узнать и у Славика, и у Вишнякова, и даже просто в отделе кадров НИИ. Но полковник предпочел встретиться с женщиной лично. Причин тому было две.

Во-первых, у Евгения Ивановича могло быть два номера. Один для коллег, другой – для родных и близких. Многие люди, чья деятельность сопряжена с большим количеством деловых партнеров, предпочитают разделять работу и быт.

Во-вторых, он хотел встретиться с Татьяной, чтобы получить дополнительную информацию о странных звонках. Да и не только о них.

Татьяна встретила Гурова холодно. В дом войти не пригласила, разговаривала отрывочными фразами и вообще старалась как можно быстрее от него отделаться. Лев Иванович силился вспомнить, чем мог досадить супруге жертвы, но на ум ему ничего не приходило. Тогда он решил не гадать, а спросить напрямую.

Татьяна рассердилась еще больше.

– Зачем задавать глупые вопросы? – в сердцах воскликнула она. – Неужели вы не понимаете, что ассоциируетесь у меня со смертью мужа? Ведь это вы сообщили мне о его гибели, водили меня в этот ужасный морг и стали свидетелем... – Здесь Татьяна осеклась, но Гуров понял, что она хотела сказать.

Прошло время, улеглись эмоции. К Татьяне пришла скорбь, а вместе с ней стыд за те слова, которые она произнесла у дверей морга.

Гуров понимал, что общаться с этой женщиной ему придется еще не один день. Поэтому доверительные отношения между ними необходимо было восстановить.

Не спрашивая разрешения, он шагнул в квартиру и плотно закрыл за собой дверь. В гостиную сыщик не пошел, направился напрямик на кухню, вспомнив, как хозяйка квартиры говорила, что принимает там только близких людей. Татьяна прошла следом, остановилась в дверях и устремила на него вопросительный взгляд.

Полковник выдвинул из-под стола табурет, поставил у окна и сел. Татьяне не оставалось ничего другого, как последовать его примеру. Минут пять они молчали. Потом женщина не выдержала, опустила глаза и прошептала слова извинения так тихо, что Гуров едва их расслышал, но этого было достаточно. Комментировать выходку Татьяны он не стал, вместо этого начал рассказывать ей, что успел выяснить и предпринять по делу.

Татьяну удивило, как много сыщик успел узнать всего за сутки с небольшим. Известие о том, что в ходе расследования всплыла история со смертью матери Евгения, женщина приняла тяжело. Еще шесть лет назад она сомневалась в том, был ли виновен хирург. Теперь же, когда вдова узнала все обстоятельства, ее сомнения превратились в уверенность. Тогда ее муж перегнул палку, в результате чего пострадал человек. Теперь муж мертв. Он уже не сможет исправить ошибку.

Гуров понял, что цель достигнута, Татьяна вновь готова общаться с ним без смущения и недовольства, и перешел к насущным вопросам. Он рассказал ей о телефонных звонках и попросил вспомнить, не говорил ли Евгений, кто донимает его таким вот образом.

Татьяна август этого года помнила плохо, так как именно на вторую половину месяца пришлось обострение бессонницы. В те дни она спала не более одного часа в сутки, все, что происходило в тот период, представляла себе довольно смутно, будто сквозь туман. Вроде бы что-то такое было. Муж стал очень уж нервным. Телефон Евгения постоянно находился в беззвучном режиме, из-за чего многие знакомые не могли до него дозвониться.

Длилось это до третьего сентября. Она даже точно помнила дату, так как именно в этот день бессонница отступила. Тогда же заработал телефон Евгения.

Татьяна знала об этом по весьма простой причине. Во всех случаях, когда муж оказывался недоступен, его коллеги и друзья звонили Татьяне и оставляли послания. Татьяна пересылала их ему или его помощнику Вишнякову. Так происходила передача важной информации в тех случаях, когда сделать это напрямую не получалось.

В тот день произошло еще одно событие. Лично для Татьяны оно являлось малозначимым, но на мужа действовало отрицательно. Он получил известие о смерти давнего знакомого. Имени умершего друга Шанин не называл, да Татьяна не очень-то и настаивала на этом.

Женщина помнила, как муж пришел с работы. Супруга готовила ему ужин и хвалилась улучшением самочувствия. Он мыл руки в ванной и ворчал на нее за то, что она не желала показаться очередному светилу, найденному им. Татьяна усмехнулась и сказала, что устала тратить жизнь на врачей. Тогда-то Евгений и объявил о том, что на днях умер его давний знакомый, а ведь ему было всего шестьдесят четыре. Татьяна съязвила, мол, умер оттого, что по врачам не ходил, а муж бросил на нее такой взгляд, что ей тут же стало стыдно. Больше они к этой теме не возвращались.

Телефонный номер у Шанина оказался один. Татьяна продиктовала его Гурову, сообщила, каким сотовым оператором он обслуживается, и позволила осмотреть кабинет мужа. Сыщик надеялся найти там что-то связанное со странными звонками или имя умершего друга, но ничего подобного не обнаружил.

Он поблагодарил Татьяну и ушел.

Лев Иванович вернулся в управление и в спешном порядке отправил запрос в компанию сотовой связи, приложив к нему документы, необходимые для получения сведений о звонках. Ответ пришел спустя час. Определить телефонный номер, который интересовал Гурова, труда не составило. С пятнадцатого августа до первого сентября с него поступило ровно десять звонков. По одному в день, исключая выходные. Гуров предположил, что этот человек не хотел, чтобы домашние Шанина знали об этом.

Выяснить, кому принадлежит номер, тоже оказалось делом простым. Из распечатки Гуров узнал, что звонки поступали из Новосибирска. Номер был зарегистрирован у того же оператора. Это облегчило задачу.

Второй запрос занял еще меньше времени, каких-то пять-десять минут. Начальник службы безопасности компании мобильной связи, с которым общался Гуров, не стал дожидаться письменного запроса. Он просто продиктовал полковнику имя, фамилию и даже дату рождения владельца номера.

С этой информацией Гуров обратился в Главное управление МВД Новосибирска. Уже через полчаса он беседовал со следователем Ереминым, служившим в полиции этого города. Почему с ним? Да потому, что Николай Сушко шестидесяти четырех лет от роду умер всего месяц назад, причем не от естественных причин.

От вышестоящих чинов следователь Еремин получил приказ предоставить полковнику Гурову любую информацию по делу Сушко, но особого рвения не проявил. Все, что узнал Гуров, могло уместиться на одном тетрадном листе.

Первого сентября текущего года в отделение полиции Новосибирска поступил сигнал. На запасном пути железнодорожного депо найден труп мужчины. Звонил аноним, поиски которого не увенчались успехом.

Бригада выехала по сигналу, предварительно связавшись с охраной депо. Это было правильное решение, так как без помощи этих людей ребята из опергруппы вряд ли нашли бы труп. Тело жертвы свисало с двадцатитонной цистерны, головой к земле, ногами в люке. Тяжелая крышка придавливала ноги, благодаря чему покойник не падал.

Патологоанатом заявил, что причиной смерти стала механическая асфиксия. Дыхательные пути этого человека оказались забиты мазутом. Им и была наполнена цистерна.

Имя жертвы опера определили по отпечаткам пальцев. При жизни Николай Сушко работал начальником охраны коммерческого банка «Первый новосибирский», имел разрешение на ношение оружия. Как следствие, его пальчики содержались в базе данных.

Выяснить, кто расправился с начальником охраны, за месяц так и не удалось. В итоге следствие склонилось к версии о несчастном случае с летальным исходом. Полез, мол, в цистерну, захлебнулся, из последних сил выбрался, да крышкой ноги придавило. Не повезло мужику.

Версия новосибирского следователя Гурова совершенно не удовлетворила. Он потребовал переслать в главк материалы дела, включая результаты осмотра места происшествия, заключение патологоанатома и протоколы опроса свидетелей. Все это сыщик получил, за два часа изучил досконально, после чего сунул папку под мышку и отправился к генералу.

Он выложил на стол материалы дела и заявил:

– Надо лететь в Новосибирск.

– Так-таки и надо? – Генерал нахмурился точно так же, как и всегда, когда речь заходила о командировках, на которые предстояло где-то изыскивать средства. – Ты когда материалы получил? Часа два назад?

– Это не имеет значения, – ответил Гуров, понимая, к чему клонит Орлов. – Есть предположение, что убийство Шанина и гибель Сушко взаимосвязаны. Это является достаточным основанием объединить их в одно производство.

– Я тебе объединю! – вспылil генерал. – Нам еще серии не хватало. Из материалов дела Сушко видно, что квалифицировано оно как несчастный случай.

– Глупость несусветная, – отчеканил Гуров. – Смерть Сушко – это убийство. Преднамеренное, запланированное и приведенное в исполнение. Точно так же, как и случай с Евгением Шаниным.

– Откуда такие выводы?

– Они очевидны. – Лев Иванович сдаваться не собирался. – Во-первых, обе смерти наступили в результате асфиксии. Способы разные, а результат один. Во-вторых, жертвы знали друг друга. Накануне смерти Сушко они созванивались. В-третьих, дата смерти. Сушко убили первого сентября, Шанина – первого октября. Факт серии очевиден.

– Вечно ты, Лева, найдешь приключения на свою пятую точку, – раздраженно произнес генерал Орлов, понимая, что доводы Гурова имеют под собой реальную почву. – Ладно, пусть так. Допустим, ты прав, но необходимо ли лететь в Новосибирск? Давай я свяжусь с начальником тамошнего главного управления. Пусть он надавит на своих ребят, чтобы они ерундой не занимались и провели расследование как положено. А ты спокойно посидишь и подождешь результатов.

– Сколько? – осведомился Гуров.

– Что сколько? – спросил Орлов.

– Сколько мне так сидеть придется? Неделю, месяц, год? – Полковник едва сдерживался, чтобы не выйти за рамки дозволенного. – Они за месяц ничего не предприняли, а сейчас начнут землю носом рыть? Сомневаюсь. Но даже если и так, то время будет упущено, а расследование

убийства Евгения Шанина с нас никто снимать не будет. Оно превратится в очередной висяк, за который вас, Петр Николаевич, по голове не поглядят.

– Умеешь ты, Гуров, на больное наступить, – проворчал Орлов, понимая правоту доводов старинного друга.

– Обстоятельства заставляют, – ответил тот. – Так как насчет командировки?

– Разве тебе откажешь? – с усмешкой проговорил Орлов. – Оформляй. Другого ответа ты ведь не примешь, не так ли?

– Да, не приму, Петр Николаевич.

– Когда лететь собираешься?

– Первым же рейсом, – ответил Гуров. – Я могу идти?

– Иди, Лева. Удачи тебе в Новосибирске.

Но вылететь сразу Гурову не удалось. Он довольно долго собирал бумаги, необходимые для оформления командировки, и согласовывал финансовые вопросы, в итоге на вечерний рейс опоздал. Пришлось ему взять билет на следующий борт, вылетающий в одиннадцать тридцать дня по Москве.

Зато сыщик успел закончить дела в столице. Он переговорил по телефону с Татьяной Шаниной, еще раз встретился с Разделкиным, обмозговал новые факты с Крячко, да еще и выпался.

Татьяне Шаниной фамилия Сушко ни о чем не говорила. Разделкин про этого человека тоже не слышал, а Стас Крячко считал, что поездка в Новосибирск никаких результатов не принесет.

Теперь, сидя в самолете, Гуров раздумывал над словами напарника. Лететь ему предстояло четыре часа. С учетом разницы во времени в Новосибирск самолет прибывал в половине восьмого вечера. Следователь Еремин обещал встретить полковника в аэропорту, но на теплый прием тот не особо рассчитывал. Все-таки перед отъездом Стас Крячко успел заразить его своим пессимизмом.

Однако сомневался Гуров напрасно. Следователь Еремин ждал его у выхода из терминала. Это был серьезный мужик в форме, с черным кейсом в руках. Седоватые волосы зачесаны назад, глаза уставшие, вокруг сетка лучиков-смешинки, а на лбу полоска от фуражки.

– Гуров Лев Иванович, – достаточно громко произносил он и внимательно вглядывался в лица неспешно идущих пассажиров.

– Я Гуров, – сказал полковник и помахал рукой, привлекая его внимание.

Еремин коротко кивнул, дождался, пока московский гость поравняется с ним, и протянул руку.

– Вечер добрый, товарищ полковник. – Еремин крепко сжал ладонь визитера. – Добро пожаловать в Новосибирск.

– Давно ждете? – спросил Гуров.

– Четверть часа, – ответил Еремин. – От нашего отдела до аэропорта на машине ровно тридцать пять минут. Выехал с запасом. Вы без багажа?

– Только ручная кладь, – ответил Гуров и приподнял небольшой рюкзак, с которым последние годы путешествовал, если поездка не предполагала быть долгой.

– Тем лучше. Пойдемте, моя машина у выхода. – Еремин пошел вперед, показывая дорогу.

В отдел он полковника не повез, по дороге сообщил ему, что не стал заказывать гостиничный номер.

– У меня дом в десяти минутах ходьбы от отдела. Четыре комнаты, а я один. Все удобства. Гостевая комната готова. Предлагаю остановиться там. И харч домашний, и вопросы решать проще.

– А что один-то? Семьи нет? – спросил Гуров.

– Есть, как не быть, – ответил Еремин и улыбнулся. – Жена и трое ребятишек. Два пацана и дочка. Ей до школы год, мальчишкам – три. У жены отпуск, так она ребятню к бабкам-дедкам повезла.

– Далеко живут?

– В Москве, – ответил Еремин и рассмеялся весело, от всей души.

– Действительно смешно. Я к вам, они к нам, – проговорил Гуров.

Этот следователь ему уже понравился.

– Значит, договорились. Сегодня уж точно у меня ночуете, а завтра видно будет, – подытожил Еремин.

Через час хозяин и гость сидели за столом в уютной, жарко натопленной кухне, ели пельмени домашнего приготовления, пили чай и беседовали.

– Я ведь понимаю, почему вы прилетели, – проговорил Еремин, когда тарелки опустели. – Решили, что местные опера и следики пустили дело на самотек, поэтому и результатов никаких не добились. Но это не так. Работать мы умеем и не ленимся, да только впустую все. Дело Сушко действительно глухарь.

– Может, и так, – осторожно произнес Гуров. – Но уж никак не несчастный случай. Хотя бы с этим вы спорить не станете?

– Это уже чужая выдумка, – сказал Еремин и пожал плечами. – Наше дело маленькое. Начальство приказывает, мы выполняем.

– Вот как? Выходит, это сверху приказ спустили?

– Только без передачи, – предупредил Льва Ивановича Еремин. – Вы-то уедете, а нам здесь работать.

– Раз уж мы вместе едим-пьем, да еще и ночевать под одной крышей собираемся, то, может, официоз для начальства оставим? – предложил Гуров хозяину дома.

– Идет, – согласился Еремин.

– Тогда вопрос. Сам-то ты понимаешь, что никакой это не несчастный случай?

– Да, конечно. Здесь и дегенерат полный сразу все поймет, – со вздохом ответил Еремин. – Но что я могу сделать, если карты так легли? Начальству всяк не нужен. Оно не хочет показатели к концу года портить. А убийцу мы найти не сможем, это как пить дать. Хитрый, паскуда.

– Давай по порядку. Ты на место сам ездил?

– Сам. И улики сам собирал, и свидетелей опрашивал, – ответил Еремин. – С друзьями Сушко общался, на работу к нему две недели подряд каждый день ездил, все думал, отыщется какая-то зацепка. Нет, не сложилось.

– Что, совсем ничего?

– Я то, что в отчет не вошло, расскажу, а там сам решай, – проговорил Еремин.

Гуров кивнул, и следователь начал доклад.

В половине пятого утра в единую службу спасения поступил звонок. Мол, на старой ветке железнодорожного депо вниз головой висит человек. Дежурный оператор попросил абонента представиться. Вместо этого тот назвал номера ветки и цистерны, после чего бросил трубку. Оператор тут же связался с ближайшим отделом полиции, тем самым, где в эту ночь дежурил Еремин.

Пока собиралась бригада, следователь поговорил с начальником охраны депо. Тот пообещал ему выслать провожатого, который к приезду опергруппы уже будет знать, где искать ту самую цистерну.

На место бригада приехала около пяти утра, через пятнадцать минут после звонка. Работяга из депо встретил ее у входа и сказал, что машину надо оставить за воротами, потому как дальше автомобильной дороги попросту нет. Шли они долго, минут двадцать. Потом провожатый остановился и указал на цистерну в крайнем ряду. Еремин сверил цифры, они совпа-

дали. Дальше пролетарий не пошел, сослался на то, что жутко боится жмуриков. Сотрудники полиции оставили его в покое, сами двинулись к цистерне.

На ней действительно висел мужчина. Голова его опустилась до середины бочки, руки – еще ниже. Добраться до него можно было, лишь поднявшись по металлической лестнице, предназначенной для одного человека.

Первым это сделал судмедэксперт. Вскоре он спустился, констатировал смерть и заявил, что тело можно снимать. Для дальнейшего осмотра не имеет значения, висит оно или лежит.

Тело было снято и осмотрено. На волосах и лице мазут, видимых повреждений вроде бы нет. Карманы пустые, на пальцах ни печаток, ни колец, на шее даже креста нет. Одежда внешне совершенно обычная, без вычурностей, но и не нищенская. Отпечатки пальцев были сняты и с трупа, и с лестницы. На наличие таковых эксперт проверил и крышку. Опера поискали личные вещи покойника, которые могли выпасть из карманов, но ничего не нашли.

Свидетелей в самом депо искать было бесполезно. Гулять в такие места люди не особо ходили. Рабочие заканчивали свои дела в пять вечера, и до восьми утра депо стояло пустым. Охрана там была, совершала обходы каждые два часа. Территория большая, один круг длился около двадцати минут, и это если быстрым шагом.

Но с народом Еремин все равно побеседовал. Он выяснил, что охранники частенько пренебрегали выполнением своих обязанностей. Редко кто пару-тройку раз прогуливался по депо. Больше же частью они делали обход, когда принимали смену и собирались сдавать ее.

Камеры стояли по периметру и по четырем промежуткам между путями. Но и этот способ контроля работал через пень-колоду. Еремин получил записи лишь с третьей части камер. Остальные, как выяснилось, вышли из строя, а замена их планировалась только к началу ноября. На отсмотренных записях ничего подозрительного Еремин не увидел.

Когда была установлена личность жертвы, следователь поехал в банк. Там его приняли директор этого заведения и заместитель начальника охраны. Сушко они характеризовали только с положительной стороны. Дескать, не пьет, не курит, в азартные игры не играет, в сомнительных связях не замечен.

Жена Сушко отвечать на вопросы не могла, слегла в больницу с нервным срывом, но разрешение на осмотр квартиры оставила. Еремин нашел там мобильник Сушко. Он проанализировал звонки, выписал номера, по которым Сушко звонил чаще, и приступил к проверке.

С Евгением Шаниным, чей номер в журнале вызовов повторялся с завидной регулярностью, следователь разговаривал дважды. Первый раз, когда он сообщил ему о смерти Сушко, тот вообще ничего связного сказать не смог. Он лопотал что-то невразумительное про карму, судьбу и злой рок. Еремин предупредил его, что будет звонить повторно, и отключил телефон.

Второй звонок оказался чуть более продуктивным. Шанин подтвердил тот факт, что с Николаем Сушко был знаком лично. В молодые годы они вместе начинали строить трудовую карьеру.

По поводу настойчивых звонков Сушко Шанин сказал, что тот решил перебраться в Москву и просил у него протекции. Мол, напиши мне характеристику получше, дай рекомендации, подыщи местечко в НИИ, где работаешь сам.

Шанин сказал следователю, что отказал Сушко по всем пунктам. Не потому, что работник он плохой, а из соображений возраста. Покидать насиженное место в шестьдесят с хвостиком? Шанин посчитал это блажью. Он вовсе не собирался способствовать разрушению привычного уклада жизни друга, пусть и бывшего.

Еремин не поверил ни единому слову, сказанному Шаниным, только что он мог поделаться? Тот находился в Москве, а сам следователь – в Новосибирске. На расстоянии да по телефону на свидетеля не особо повлияешь.

Почему не поверил? Да потому, что убили Сушко. Можно было предположить, что начальнику службы безопасности ведущего банка города кто-то начал угрожать расправой,

поэтому он и решил срочно переехать в столицу, подальше от опасности. Обратиться к другу, на постоянной основе проживающему в Москве, да еще имеющему немалый вес и солидные связи, это, конечно же, ход умный. А вот дальнейшее его поведение совершенно логике не подчинялось.

Допустим, ты получил отказ по всем направлениям, а угроза твоей жизни никуда не делась. Что, по логике вещей, ты должен предпринять дальше? Все равно уехать, пусть и без протекции.

Деньги, как выяснил Еремин, у Сушко водились, причем немалые, даже по столичным меркам. На кой ляд с такими средствами сдалась протекция? Продать квартиру в Новосибирске можно и потом. На жилье в Москве у Сушко хватало с лихвой. Что же касемо работы, то с таким послужным списком он без нее не остался бы, это как пить дать. Пусть не начальником охраны, но рядовым устроился бы. Пенсия, плюс зарплата, как-нибудь прожил бы. В любом случае это лучше, чем то, что произошло.

С женой Сушко Еремин в итоге встретился. Пользы он от этого не получил, но совесть свою успокоил. Про опасность и угрозы супруга Сушко не слышала, насчет переезда в Москву – тем более. Муж ни разу подобный разговор не заводил. По его поведению не было заметно, чтобы он собирался кардинально менять жизнь. Сама она работала врачом в городской клинической больнице, получала хорошую зарплату и даже не помышляла о том, чтобы переехать в столицу.

Остальные следственно-разыскные мероприятия принесли еще меньше пользы. Аноним, который звонил в единую службу спасения, так и не был найден. Номер, с которого поступил вызов, принадлежал новосибирскому пенсионеру, который три года как умер. Звонков с него больше не было. Сотрудник сотовой компании объяснил следователю, что такое иной раз происходит тогда, когда сим-карта повреждена физически.

Следствие зашло в тупик. Пару недель начальство снимало с подчиненных стружку за недобросовестную работу. Потом пришло распоряжение переквалифицировать убийство на несчастный случай и сдать дело в архив. Так Еремин и сделал.

Выслушав доклад следователя, полковник, в свою очередь, рассказал ему о происшествии на Дорогомиловском мосту и причинах, вынудивших его лететь в Новосибирск. Еремин посочувствовал гостю. Один глухарь, это еще куда ни шло, но два – уже явный перебор.

Но Гуров не отчаивался. С момента убийства Сушко обстоятельства изменились, появились новые факты. Их-то он и собирался использовать.

Спать они с Ереминым легли ближе к полуночи, встали в семь, наскоро перекусили и поехали в отдел. Там Еремин передал Гурову все адреса и телефоны, после чего каждый отправился по своим делам.

С супругой Сушко Гуров хотел встретиться в первую очередь. Он созвонился с ней и получил разрешение на визит, но никак не ранее половины двенадцатого. До этого времени у нее были назначены процедуры, отложить которые она не могла. Сыщику пришлось менять свои планы, связываться с новым начальником охраны банка, назначать встречу всему личному составу этой службы и ехать в данное заведение.

Встреча с сотрудниками службы безопасности проходила в комнате отдыха, расположенной на первом этаже. Лев Иванович полагал, что это помещение находится под наблюдением начальника охраны, сомневался в том, что кто-то из работников станет в таких условиях особо откровенничать, но решил пока свои условия не ставить. Будет необходимость, он встретится с заинтересовавшим его свидетелем вне стен банка. А пока пойдет и так.

Это мероприятие дало результат далеко не сразу.

Восьмым по счету в комнату вошел охранник лет шестидесяти с сердитым взглядом и с порога начал предъявлять претензии:

– Вот вам делать нечего, думаете, и у остальных забот нет? А у меня, между прочим, законный выходной. Две недели без продыху, за всех лентяев поработать успел. Еле выбил себе выходной, а тут вы! Думал, на дачку сгоняю, землю хоть вскопаю, жена совсем одна замоталась. Ан нет, шиш тебе, господин Бирюков. Пусть жена одна сеет-пашет, а ты изволь столичных тузов ублажать.

– Стоп-стоп, притормозите-ка, гражданин Бирюков, – поспешил остановить его Гуров. – Возможно, вам и кажется, что процедура сбора информации является лишь пустой тратой времени, но поверьте моему опыту. Восемьдесят процентов преступлений раскрыты именно благодаря качественному опросу друзей и коллег жертвы.

– И кто же у нас жертва на этот раз? – Бирюков слегка стушевался.

– Жертва все та же. Гражданин Сушко, ваш бывший начальник, – ответил Гуров.

– Вот те на! Опять Колькины кости ворошить станете? И когда вам только надоест? – возмутился Бирюков. – Вы бы хоть определились, убили его, или там несчастный случай приключился. А то у вас мнение меняется, как настроение у беременной бабы.

– В данный момент наша задача как раз и состоит в том, чтобы поставить точку в этом вопросе, – заявил Гуров. – Вы, судя по всему, можете нам в этом помочь.

– Это по каким же именно признакам вы так рассудили? Третий глаз открылся, мысли мои читаете, или так, бросок наугад? – Бирюков явно не собирался переходить на миролюбивый лад.

– Хотя бы потому, что бывшего начальника вы Колькой величаете, – ответил Гуров. – Раз он для вас Колька, значит, наверняка был не только вашим строгим начальником.

– Как знать. Может, я его терпеть не мог, да при жизни показать это боялся? Все-таки начальник, в его руках моя карьера. А тут такая возможность появилась. Помер человек, ругай теперь его, называй как вздумается, тыкай, Колькой обзывай.

– Сильно в этом сомневаюсь, – сказал Гуров и улыбнулся. – Раз уж вы сами про потерю времени заговорили, то давайте перейдем к делу. Я задаю вопросы, вы на них отвечаете. Идет?

– Что с вами подделаешь. Давайте попробуем, – согласился Бирюков.

Вопросы Гуров задавал разные. Некоторые из них напрямую относились к делу, другие служили лишь наводкой. Бирюков отвечал четко, не задумываясь. Десяти минут хватило, чтобы сыщик нащупал то, что искал.

С Николаем Сушко Бирюков дружил с тех самых пор, как тот перебрался в Новосибирск. Помотало его по городам и весям прилично. Сам родом из Томска, успел поработать и в Воронеже, и в Самаре, и в Ростове. Даже в Москве какое-то время обосноваться пытался, да что-то там не срослось.

Из столицы он в Новосибирск и приехал, устроился в банк, где Бирюков к тому времени отпахал уже лет пять. Поставили Сушко заместителем начальника службы безопасности, но как-то так сложилось, что с Бирюковым у него сразу завязалась дружба. Может, потому, что Бирюков сам не так давно приехал из захудалой деревушки в большой город. Или же причина состояла в том, что он никогда перед начальством не лебезил, благоговения не испытывал и страха не имел.

После того как Сушко получил должность начальника, их дружба не закончилась. Как и прежде, они с Бирюковым мотались на рыбалку, за грибами, иной раз просто сидели в баре за кружкой пива.

В начале или в середине лета Сушко обмолвился, что получил весточку от друга, которому в какой-то степени обязан своим положением. Этот звонок его и удивил, и взбудоражил. Много лет тот молчал и вдруг объявился. Николаю совершенно непонятно было, зачем ему это понадобилось. Он рассказал Сушко о кончине одной общей знакомой, попрощался с ним и больше не звонил.

Потом, где-то в начале августа, во время посиделок в баре Николай выпил больше обычного и вдруг заявил приятелю, что понял, зачем тогда ему друг звонил. Он сказал это и вроде как испугался, быстро так тему перевел, чтобы Бирюков вопросы задавать не начал. Потом Сушко домой засобирился, залпом кружку допил и ушел.

Бирюков про эти случаи и не вспомнил бы, если бы не полковник со своими вопросами. Связать их со смертью друга он не догадался. Да и как можно было сообразить, если между этими событиями столько времени прошло?

Сушко вообще странный был. В чем-то болтун, язык за зубами не удержит, а в чем-то настолько скрытный, что ни под пыткой, ни в подпитии не расколется.

После Бирюкова Гуров быстро поговорил со всеми прочими подчиненными Сушко, поблагодарил нового начальника охраны за содействие и поехал к вдове.

Гуров поднялся на третий этаж, Наталья Сушко встречала его у дверей.

– Проходите, можете не разуваться, у меня все просто, – заявила она.

Гуров шагнул в коридор и едва сдержался, чтобы не выбежать обратно. Запах в квартире стоял просто ужасающий. Да оно и неудивительно. На полу, покрытом толстым слоем грязи, валялись остатки пищи. Скопились они здесь явно не за одну неделю. Огрызки яблок, недоеденные куски огурцов и томатов, покусанные сосиски, превратившиеся в сморщенные палочки, и куча другого мусора усеивали линолеум. Лужи от напитков, которые никто не пытался убрать, раздавленные ягоды, размазанный крем – все это создавало впечатление, что обитатели квартиры намеренно бросали остатки пищи себе под ноги, принципиально игнорировали наличие мусорного ведра.

Во всем этом бардаке преобладали обертки от шоколада. Он же лежал на столе солидными стопками, отдельными плитками и просто горой.

– Быть может, прогуляемся? – предложил Гуров, опасаясь, что в такой вони не сможет проводить беседу.

– После смерти мужа я на улицу не выхожу, – заявила Наталья. – Если вы хотите поговорить со мной, то делайте это здесь.

Льву Ивановичу ничего не оставалось, как согласиться.

– Тогда, может, окно откроем? – сказал он.

– Не переносите духоту? – спросила Наталья.

Гуров кивнул.

– Открывайте, – позволила ему хозяйка. – Я тогда шаль накину.

Она сходила в комнату, принесла довольно опрятную шаль, накинула на плечи и приготовилась отвечать на вопросы полковника.

На этот раз Гуров уложился в рекордно короткий срок. Через пятнадцать минут он уже стоял на подъездном крыльце, ловил ртом воздух и улыбался.

Несмотря на неприятную обстановку в квартире вдовы, цели он достиг. Наталья вспомнила Евгения Шанина, рассказала, где и при каких обстоятельствах они познакомились. Она сказала, что Шанин звонил мужу в начале лета, но причины тот ей не открыл, хоть она и спрашивала.

Однако Гурову было достаточно и этого. Теперь он мог уезжать из Новосибирска.

Глава 6

От вдовы Гуров поехал в управление, там его должен был ждать Еремин. Автобус тащился медленно, водитель на каждой остановке устраивал пятиминутные перекуры. Пассажиры злились, но молчали. Для начала октября погода стояла довольно морозная и пешим прогулкам не благоприятствовала. К тому же начал моросить мелкий дождь. Пешеходов он не промочит, но и никакого удовольствия не доставит.

Гурову досталось место у окна. Он сидел, вобрав голову в плечи, кутался в легкую куртку и думал, перебирал в уме информацию, полученную от вдовы Сушко, анализировал воспоминания охранника Бирюкова, сопоставлял с тем, что нарыл в Москве, и пытался составить общую картину. А она никак не проявлялась.

Профессор Шанин и начальник службы безопасности Сушко несколько лет проработали в Томске, в НИИ ядерной физики при политехническом университете. Тогда Шанин еще не был профессором, но уже подвизался на поприще науки, а Сушко работал охранником. Зарплата не ахти, как сказала вдова, зато график – сутки через трое.

Особой дружбы Шанин и Сушко не водили. Ни совместных праздничных застолий, ни семейных визитов по выходным, ни общего хобби, которое ученый и охранник могли бы разделить на двоих. Шанин тогда еще был не женат и весь ушел в науку, Сушко занимался огородом, растил сына и мечтал уехать из Томска. Каких-то предпочтений он не имел, лишь бы город-миллионник и погода потеплее.

С чего вдруг у Сушко возникла дружба с Шаниным, вдова не помнила. Случилось это незадолго до их переезда. Евгений стал захаживать к Николаю, пару раз в неделю ужинал у него. Сам Сушко начал довольно часто отлучаться из дома. Мол, надо Женьке помочь.

В чем он ему помогал, вдова тоже понятия не имела, но думала, что по хозяйственным делам. Шанин ведь ученый, а разве такие люди с бытовыми проблемами когда-нибудь умели справляться?

Сколько дружба длилась, вдова сказать не смогла. Ей казалось, что совсем недолго, но ощущения – вещь субъективная. Для кого-то год недолгий срок, а для кого-то и месяц слишком долго.

В то же время Сушко каким-то образом разжился деньгами. Супруге про заначку не сказал, и сам тратить эти средства не спешил. Женщина как-то полезла в погреб за консервацией, а там шкатулка ее старая стоит. Она заглянула в нее из любопытства, а там деньги. Пачки аккуратно резинкой перетянуты и газеткой накрыты.

Спрашивать об этом у мужа жена не стала, решила, что сам скажет, если захочет. А иначе она все равно ничего не узнает. Упрямства Николаю не занимать, если что вбил в голову – топором не вырубишь.

А потом, в один прекрасный день, Сушко пришел домой и объявил, что уволился из института. Как? Что? Почему?

«Мы переезжаем», – коротко бросил он и велел супруге паковать чемоданы.

После переезда дружба Сушко и Шанина сошла на нет. Ни звонков, ни писем, ни приглашений погостить.

Странная это была дружба. Так сказала вдова, и Гуров был склонен с ней согласиться.

В этих отношениях странным казалось все, начиная с их возникновения и заканчивая резким разрывом отношений. Кроме того, им сопутствовали некие непонятные факторы. Откуда у Сушко вдруг появились неучтенные деньги? Какую такую помощь он оказывал Шанину? Почему она требовала регулярных отлучек? Отчего вдруг Сушко решил уволиться, уехать из города, так резко оборвал все отношения с человеком, который дважды в неделю на протяжении нескольких месяцев столовался в его доме?

Из вышеизложенных вопросов вытекал главный, можно сказать, глобальный. Каким же таким обстоятельством была связана дружба Сушко и Шанина? Почему оно привело их обоих к насильственной смерти? Ответ на это следовало искать в Томске.

Об этом Гуров и объявил следователю Еремину, когда они встретились.

– В Томск? Да не вопрос, – не раздумывая, произнес Еремин. – Тут хода часа три с половиной, а на моем «Туареге» и того меньше. Дорога до Югры вполне сносная, а там до Томска останется всего ничего. Рванем прямо сейчас, к трем часам дня точно на месте будем.

– На «Туареге», говоришь? – сказал Гуров и присвистнул. – Ого! Нехило.

Цена подобного авто превышала все возможные заработки следователя.

– Ага. – Еремин был явно доволен впечатлением, произведенным на важного московского гостя. – А ты думал, что только у вас в столице следакам на лапу жирно дают? Нет, нам, провинциалам, тоже кое-что перепадает.

– Шутишь? – осведомился Гуров.

– Конечно, – с усмешкой ответил Еремин. – Хороша шутка? Теперь ты, наверное, думаешь, что у меня никакого «Туарега» в помине нет. Все, что я могу себе позволить, это прокатиться на служебной «Приоре», да?

Гуров улыбнулся. Он на самом деле так и подумал. Ведь из аэропорта они ехали как раз на «Приоре».

Еремин понял, что попал в точку, снова усмехнулся и проговорил:

– Вот домой приедем, я тебе своего «Туарега» представлю. Силищи в нем немерено. Мощная машинка.

– На столовой наэкономил? – в свою очередь, поддел следователя Гуров.

– Свояк удружил, – пояснил ситуацию Еремин. – Он у меня бизнесмен крутой, в Питере живет. Купил себе «Туарег», на престиж позарился, а у того возьми да развалился раздатка. «Туарег» у него и встал. Деления вращения на переднюю и заднюю ось нет, колеса не крутятся. Он в сервисный центр, а там ему и заявили, что три года прошло. Извиняйте, друг милый, ремонт теперь за ваш счет. А ты знаешь, сколько стоит раздатка на «Туарег»? От ста двадцати пяти тысяч! Плюс замена, обкатка, еще целая куча проблем, которую ему в сервисе насчитали. До полумиллиона догнали цену. Свояк за голову схватился. Легче новую тачку взять, чем старую починить. Купил он себе скромную «Мазду», а эту на продажу выставил. Угадай, что было дальше.

– Ты ее купил, – выдвинул предположение Гуров.

– Купил, только не сразу. Два года свояк ее продать пытался, да желающих тачку за два миллиона в некондиции покупать так и не нашлось. Приехал он ко мне погостить, на проблемы свои начал жаловаться. Я ему в шутку, дескать, если за сто пятьдесят тысяч отдашь, то я ее у тебя и с поломанной раздаткой заберу. Он возьми и согласись! Вот так у меня автомобильчик меньше чем за десять процентов его стоимости и появился.

– Если цену ремонта прибавить, то никак не десять процентов выходит, – заметил Гуров.

– Это если мозгов нет, и руки не из того места растут. А у меня с этим все в порядке, – не удержался Еремин и похвастался.

– Починил?

– Починил. В ремонт копейки вложил, по времени с месяц разбирался. Потом на работу на «Туареге» прикатил, так мужики чуть шеи не поыворачивали, пытаюсь разглядеть, кто это такой крутой в отделе появился, – проговорил Еремин, усмехаясь. – С начальством, правда, пободаться пришлось. Запретили мне машинку возле дверей отдела ставить, сказали, чтобы лишних разговоров избежать. Я им было возражать принялся. На чем мне ездить-то? Чтобы «Туарег» купить, я свою «десятку» продал, теперь это мои единственные колеса. А они в ответ, гоняй на служебной. Я особо сопротивляться не стал, так даже удобнее. И у своей тачки износ меньше, и на бензине реальная экономия. Одним словом, вполне удачно все сложилось.

– Да уж, история как из юмористического журнала «Крокодил», – произнес Гуров.

– Не то слово! У меня теперь машина на порядок круче, чем у начальника нашего главка. Прикинь, каково ему это осознать. По нему теперь народ ой как языками прохаживается. Мол, у простого следака под задницей лошадей больше, чем у полковника Солодовцева. Новосибирск, конечно, большой город, но слухи у нас быстро распространяются.

– Да, веселая история, но дела делать надо, – проговорил Гуров. – Показывай, где ты своего «Туарега» держишь.

До дома Еремина они доехали на «Приоре», выгнали из гаража «Туарег», поставили служебный седан на его место и отчалили в Томск. В отделе Еремин предупредил, что уехал по делам следствия. Впереди два выходных дня, так что торопиться особо нужды не было.

Ехали они с ветерком, обсуждали перспективы расследования, потом перешли на бытовые темы. Не всю же дорогу варианты развития событий обмусоливать. Еремин хвастался полковнику, какая на Оби рыбалка, упомянул про друга, знатока в выборе подходящей снасти, о том, в каком году улов людей порадовал, а в каком разочаровал. Потом следователь перешел к комическим случаям. Он рассказал попутчику о том, как с тем же свояком, который продал ему авто, ходил на щуку, а поймал утопленника. Они тащили его на лодке до берега, а он возьми и оживи. Свояк тогда чуть в штаны не наделал, да и сам Еремин того еще страху натерпелся.

Полковник в ответ рассказывал всякое про житье-бытье в столице.

Всяческих историй им вполне хватило до самого Томска.

Как и обещал Еремин, в город они въехали ближе к трем часам дня, резонно рассудили, что коллеги из Томска будут доступны и в субботу, и решили сразу отправляться в институт ядерной физики. Офицеры полиции сверились с картой, проложили маршрут и вскоре стояли на крыльце розового, как поросенок, трехэтажного здания с соответствующей вывеской на дверях.

В холле, за стеклянной загородкой, спиной к дверям сидел мужчина в форменной туатурке. Судя по активному движению ушей и складок на лысом затылке, он обедал.

– День добрый, – проговорил Гуров. – Нам бы в отдел кадров попасть.

Мужчина не повернулся, жевать не перестал и вообще никак на вопрос не отреагировал.

Чтобы привлечь его внимание, Гуров постучал костяшками пальцев по стеклу перегородки. Однако ситуация не изменилась. Охранник как сидел, развалившись в кресле, так и продолжал.

– Может, у них тут самообслуживание? – произнес Еремин и пошел к турникету.

Заградительная карусель легко поддалась толчку.

Следователь прошел через турникет, призывно махнул своему спутнику и сказал:

– Видишь, здесь у них все по-простому.

Лев Иванович двинулся следом за ним.

Тут охранник увидел Еремина, вздрогнул, подскочил с кресла, едва успел швырнуть на полку бутерброд и выскочил из будки.

– Это что еще такое? Куда ты прешь? – загромыхал он и двинулся на следователя.

– А ты куда смотришь? Тебя здесь для охраны поставили, а ты брюхо набиваешь и в телевизор тарачишься, – наехал на него Еремин. – Кто такой? Как фамилия?

– Я не понял. Кто из нас нарушитель? – Охранник явно опешил.

– Вот сейчас ты фамилию свою назовешь и узнаешь, кто нарушитель, – заявил Еремин и вытащил из кармана удостоверение. – Уголовный розыск! Где тут у вас канцелярия?

– Третий этаж, левое крыло, кабинет номер триста двенадцать, – вытянувшись в струнку, отчеканил охранник.

– Так-то лучше, – проговорил Еремин. – И больше чтоб я этого не видел!

Следователь пропустил вперед Гурова и начал подниматься по лестнице. Он успел дойти до второго этажа, а охранник все стоял навтыжку, так до конца и не понял, что произошло.

Канцелярию визитеры нашли легко, а вот человека, способного дать вразумительный ответ на вопрос о том, где искать списки сотрудников за энное количество лет, отыскать оказалось непросто. Секретарша заявила им, что справки такого рода выдаются только в электронном виде и по специальному запросу, но не смогла сказать, кому надо отправлять его.

Гуров отыскал начальника отдела кадров. Тот в помощи не отказал, даже проводил посетителей в архивный зал и загрузил базу данных. Однако оказалось, что информация там хранится только за последние пять лет. О том, где взять остальные двадцать, начальник не имел ни малейшего представления. Как водится, за четверть века архив переезжал с места на место больше десятка раз. Часть документов сплошь и рядом оставалась в старом здании, остальные перевозились в новое. В итоге полного архива не было ни в одном из хранилищ.

Пока Гуров разбирался с начальником отдела кадров, Еремин дошел до директора института. Благо тот оказался трудоголиком, и во вторую половину дня пятницы все еще оставался на месте. В конечном итоге директор им и помог. Архив он визитерам не предоставил, зато дал список сотрудников, которые работали в институте по четверти века и больше.

На месте оказался только один из этих людей, профессор Моховицкий, пришедший в НИИ больше сорока лет назад. Директор распорядился, чтобы Гурова и Еремина проводили в лабораторию Моховицкого и убедились в том, что тот готов принять их.

Молодой человек лет двадцати пяти с сонным выражением лица вел посетителей по длинным коридорам и запутанным переходам и всю дорогу что-то бубнил себе под нос. Он то ли выражал недовольство приказом директора, то ли повторял формулы, то ли производил в уме какие-то сложные вычисления. Гуров опасался, что где-то к середине пути парень забудет цель похода, но этого не произошло. Согласно приказу он доставил их до места и сдал лично в руки профессора.

Лев Иванович ожидал увидеть седовласого старца с безумным взглядом и чудовищной рассеянностью, а встретил полную противоположность. Профессор Моховицкий выглядел никак не старше пятидесяти пяти лет. Высокий, статный, без единого седого волоса, с ясным, полным интеллекта взглядом и цепким умом.

– Добрый вечер, господа, – поприветствовал их профессор и осведомился: – Чем могу быть полезен?

– Мы собираем сведения о сотрудниках НИИ, которые работали здесь двадцать – двадцать пять лет назад, – ответил Гуров.

– Боюсь, что не смогу вам помочь, – сказал профессор и озабоченно покачал головой. – То, что вы просите, легче получить, обратившись к архиву.

– Мы так и собирались сделать, – вклинился в разговор Еремин. – Да вот только сотрудники у вас в институте совершенно не соответствуют своим должностям.

– Не могли бы вы пояснить, что имеете в виду? – попросил Моховицкий.

– Они не сумели найти архив, – просто ответил Еремин.

– Что ж, ладно. Будем исправлять оплошность коллег, – с полуслова поняв ситуацию, проговорил Моховицкий. – С кого начнем? С профессорского состава, с ассистентов или со студентов?

– Нас интересуют конкретные фамилии, – заметил Гуров. – Евгений Шанин и Николай Сушко.

– Профессор Шанин? Это выдающаяся личность! – с воодушевлением произнес Моховицкий. – Этот мой коллега специализируется на процессах внедрения инновационных технологий в области ядерной физики. Впрочем, вы и сами наверняка об этом знаете. А вот фамилия Сушко мне не знакома.

– Он работал охранником в этом институте, какое-то время был дружен с Шаниным.

– Дружен с Шаниным? Это что-то новенькое, – тут же заявил профессор в ответ на эти слова Гурова. – Насколько я помню, Женя Шанин не был дружен ни с кем, даже с людьми из своей команды. Слишком амбициозен для этого. Я бы так сказал.

– И все же они дружили, – заметил сыщик.

– Не могу себе этого представить. – Профессор с очевидным сомнением покачал головой. – Вот его ассистент Валентин, насколько я помню, был очень общительный юноша. Только это вот его качество принесло ему одни лишь разочарования. У Шанина он задержался не больше трех месяцев, потом тот от него избавился. Нет, не физически, разумеется, просто вывел из состава команды. Но парень не пропал. Если память мне не изменяет, он перешел в команду Зуева и там уже развернулся на полную мощность. Золотой умище, доложу я вам!

– А что вы можете сказать про Евгения Шанина? – Гуров поспешил вернуть беседу в нужное русло. – Чем конкретно он занимался в вашем институте?

– Он работал над уникальным проектом. Сейчас об этом деле знают все, кто хоть как-то связан с наукой. Могу рассказать подробнее. Однако сначала спрошу, вы когда-нибудь слышали термин «геотермальная энергия»?

– Боюсь, что нет, – признался Гуров.

– А про астрофизический комплекс «Сфера»?

– Тоже нет, – ответил Лев Иванович.

Он понял, что пока профессор не выговорится, практической информации от него не дождешься, и приготовился слушать.

– Данный комплекс создан в Москве, в НИИ ядерной физики, а начало его разработке было положено здесь. – Профессор Моховицкий сел на любимого конька, и теперь остановить его было невозможно. – Задача «Сферы» – изучение космических лучей сверхвысоких и ультравысоких энергий. Солидно звучит, не так ли?

Гуров кивнул, Еремин выдал классическое «ага».

Профессор довольно улыбнулся и продолжил:

– На самом деле все до банальности просто. Идея возникла не на пустом месте. Был такой советский ученый академик Александр Чудаков. Фамилия говорящая, но не в этом случае. – Моховицкий хитро подмигнул, давая понять, что шутит. – На самом деле его идеи граничили с гениальностью. На их основе и был создан комплекс. Что он из себя представляет? – Профессор выдержал секундную паузу, чтобы подчеркнуть важность момента, после чего заговорил, уже не останавливаясь: – Представьте себе такую картину. Над землей, покрытой снегом, в ночное время в небо поднимается аэростат. На нем закреплена небольшая установка. Она регистрирует так называемое черенковское излучение, отраженное от снежной поверхности, а также флуоресцентный трек в атмосфере. Данный метод позволяет анализировать структуру и ядерный состав первичного космического излучения на площади до тысячи квадратных километров. Это же такая мощь, уму непостижимо! – Профессор мечтательно закрыл глаза и замер.

Гуров и Еремин переглянулись.

Лев Иванович пожал плечами и задал вопрос:

– Все это изобрел Евгений Шанин, будучи сотрудником этого НИИ?

– Да что вы такое говорите?! Разве одному человеку такое под силу? – Профессор даже обиделся.

Мол, я вам про глобальные достижения науки, а вы все о приземленном.

– Ваш Шанин разработал только технологию удешевления отраженной энергии. Она принесла ему славу и кое-что еще. После ее внедрения его сразу пригласили в Москву. Вероятно, он получил за эту разработку приличный гонорар, а на продвижение других проектов – правительственный грант. Но проект «Сфера» является общенациональным, а не его личным.

– Шанин сумел добыть дешевую энергию. Я правильно понял? – спросил Еремин. – Такую, которой могут пользоваться простые люди?

– В целом вы правы, – ответил профессор и поморщился.

Упрощение научных вопросов ему было не по душе.

– Кто еще вместе с Шаниным вел проект по добыче дешевой энергии? – задал свой вопрос Гуров.

– Точно сказать не могу, так как результаты работы Шанин выставлял не здесь, не на базе нашего НИИ. Вероятно, этим занималась его команда в полном составе.

– Вы помните, кто именно входил в нее? Можете назвать хотя бы несколько фамилий?

– Молодой человек, я уже в преклонных годах, но пока еще, слава богу, не в маразме, – съязвил Моховицкий. – Я могу перечислить всех членов команды, которая в то время работала на Шанина.

– Был бы вам очень признателен, – искренне произнес Гуров.

– Пожалуй, будет лучше, если вы получите список в печатном виде, – чуть подумав, проговорил Моховицкий. – Два-три часа задержки вас не обременят?

– Не обременят, – ответил Гуров, поняв, что с профессором лучше соглашаться. – Вы сказали, что Шанин заканчивал проект в другом месте. Где именно?

– В Казахстане. В городе Алматы есть институт ядерной физики.

– Почему именно там? – поинтересовался Еремин.

– Хороший вопрос, – протянул Моховицкий. – Только ответа на него у меня нет. Возможно, там Шанину предоставили большую свободу действий. Или же финансирование проекта шло из бюджета Казахстана.

– Но сам проект, вернее сказать, его результат достался России?

– Вижу, относительно того, как оформляются патенты на научные разработки, вы полный профан, молодой человек, – заявил Моховицкий и укоризненно покачал головой. – Было бы разумно, прежде чем браться за дело, ознакомиться хотя бы с азами научной деятельности.

– Уж извиняйте, у нас, простых сыскарей, есть свои дела, куда более насущные для нас, – с обидой проговорил Еремин. – Вот вы, высокие умы, режете, травите, вешаете друг друга почему зря, а нам, простым смертным следакам, приходится в вашем, простите за мой французский, дерьме копать. Именно поэтому у нас не находится времени на изучение передовых научных теорий и практик!

Гуров бросил на Еремина предостерегающий взгляд.

Профессор Моховицкий растерянно заморгал и произнес:

– Простите великодушно. У меня и в мыслях не было вас принижать. Наверное, вы правы. Мы, ученые, и в самом деле слишком много о себе мним. – Голос профессора звучал расстроено. – Исправляю свою оплошность. Если практические эксперименты велись на площадке определенного института, то это не всегда означает, что их результаты будут принадлежать именно ему. Нет, это зависит от первоначального контракта. Каким образом все было оформлено у Шанина, я вам не подскажу. С этим вопросом лучше обращаться к коллегам из Алматы. Знаю только, что лавры по результатам проекта не достались ни нашему, ни тамошнему НИИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.